

Часть первая

МОРФОЛОГИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Имя /существительное и прилагательное/

1. КАТЕГОРИЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ-НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

В современных адыгских языках грамматической категорией определенности-неопределенности характеризуются не все лексические группы и грамматические формы. Лексические ограничения категории определенности/неопределенности распространяются на существительные, обозначающие предметы, явления, единственные в своем роде /личные имена, слова типа адыг. тыгъэ, каб. дыгъэ 'солнце', адыг., каб. мазэ 'луна' /, отвлеченные понятия /слова типа адыг., каб. лӀыгъэ 'мужество', адыг. зэшыгъуэ, каб. зэшыгъуэ 'скука'/. Грамматические ограничения накладываются на формы посессива, указательности, родовую /общую/ форму. Из падежных форм категория определенности/неопределенности свойственна им. и тв. падежам ед. числа. Что касается мн. числа, то оно вообще не реализует противопоставления форм определенности/неопределенности. Как видно, на категорию определенности/неопределенности накладываются строгие лексико-семантические и грамматические ограничения. В то же время адыгские языки в их современном состоянии отличаются тем, что допускают варианты форм, колебания в оформлении имен существительных формативами определенности и неопределенности.

Категория определенности/неопределенности сложилась в эпоху общеадыгского языкового единства. Определенная форма имеет формативы -р, -м, неопределенная форма — нулевой форматив. Форматив -р маркирует им. падеж /падеж субъекта при непереходном глаголе и прямого объекта при переходном глаголе/. Ср. адыг., каб. уыңэ — уыңэр 'дом', адыг. шыуызы — шыуызыр 'женщина', тхыль — тхыльыр 'книга'. Форматив -м маркирует лишь эргативный объектный, выражающий функции косв. падежей. Ср. уыңэм сыхьагъ 'я вошел в дом /известный, определенный/', шыуызым йэстыгъ 'я отдал женщине /известной, определенной/', тхыльым седжэ 'я читаю книгу /известную, определенную/'.

Что касается эргативного субъектного, управляемого переходным глаголом, то здесь отсутствует грамматическое противопоставление форм определенности и неопределенности. В типичных эргативных конструкциях типа каб. Л1ым уыңэ йэш1 'Мужчина строит дом' падеж субъекта возможен лишь в сочетании с формативом -м, т.е. допускает только одну форму. Невозможна конструкция Л1ы уыңэ еш1 в значении 'Мужчина строит дом', что показывает отсутствие оппозиции определенность/неопределенность в падеже, управляемом переходным глаголом. Напротив, форматив -м в номинативе выражает определительную функцию. Ср. каб. Л1ырэ фызрэ мак1уэ — Л1ы-м-рэ фызы-м-рэ мак1уэ 'Идут мужчина и женщина'. Во второй конструкции форматив -м в номинативе выполняет чисто артиклевую /определительную/ функцию. Иными словами, в номинативе /в зависимости от грамматической формы/ определительная функция выражается по-разному — либо формативом -р, либо формативом -м. Оба форматива в этом падеже свободно чередуются с нулем — показателем неопределенности.

Наряду с определительной функцией формативы -р, -м служат показателями общей /родовой/ формы. Общая форма не выделяет предмет из класса однородных с ним предметов, а обозначает все предметы данного класса, т.е. является средством выражения родовых понятий. Родовые формы характерны для народных поговорок и пословиц, имеющих обобщающее значение. Ср. адыг. Л1ыр л1ыңэ мэл1эжы 'Мужчина и умирает

мужчиной' /адыгская пословица/; каб. Делэр мыпсэлъэху гуыбзыгъэш 'Дурак умен, пока молчит' /адыгск.пословица/.

Многозначность формативов -р, -м, выражающих определительную и родовую формы, бесспорно, может быть приписана общеадыгскому состоянию. Заметим, что использование одного и того же морфологического элемента для обозначения артиклевой /определительной/ и родовой форм имен существительных имеет место в других западнокавказских языках. Так, форматив а- в абхазском языке наряду с родовым значением обладает также значением определенного артикля.

В адыгских языках, как и в абхазском языке, родовое значение вторично. Исходность определительной функции формативов -р, -м может быть доказана тем, что родовая, обобщенная форма обозначается также нулевым показателем, чего нельзя сказать об определительной форме. Ср. каб. Хамэ-хэ/р/ кълххэри уыгъхэ/р/ йырихуш 'Чужая собака пришла в дом и свою собаку прогнала' /адыгская пословица/, Бжэ-ны/м/ шыгъэ кълильхурэ 'Разве от козы родится ягненок' /адыгская пословица/. Форматив -р, -м в этих предложениях свободно чередуется с нулем, выражающим также родовое значение. Отсюда можно сделать вывод, что определительная функция -р, -м не только исторически предшествует родовой функции -р, -м, но сама родовая форма первоначально выражалась нулевым показателем.

Впрочем, вторичность родовой функции по сравнению с определительной подтверждается также этимологией одного из разбираемых формативов. Речь идет о формативе -м, восходящем к общеадыгскому указательному местоимению мы 'этот'. Генетическое тождество определительного форматива -м и указательного местоимения мы доказывается как их семантической и фонетической прозрачностью, так и данными типологии категории определенности/неопределенности в разных языках. Ср., например, развитие определенного артикля на базе указательных местоимений в германских языках /англ. the, нем. das и др./. Вообще в семантическом плане вполне закономерен переход указательного местоимения в определенный артикль в языках различных типов.

Остается неясным происхождение другого определительного форматива — -р. Хотя существуют разные точки зрения на этот счет, все же нужно признать, что пока не найдено удовлетворительное решение вопроса о генезисе определительного форматива -р. Тем не менее есть достаточные основания утверждать, что определительный форматив -р /как и форматив -м/ сложился на общеадыгской почве. Оба форматива как артиклевые /определительные/ элементы не находят параллелей в других западнокавказских языках. В этой связи следует сказать, что с точки зрения морфологического выражения определенности адыгские языки обособляются от других западнокавказских языков. Убыхский, абазинский и абхазский языки объединяются общностью определительного форматива а-, в то время как неопределенная форма исторически характеризуется нулевым показателем во всех западнокавказских языках. Убыхско-абхазско-абазинский определительный форматив а- обнаруживает генетическую связь с общеадыгским указательным местоимением а 'этот'. Ср. также абх. абри, ари, абаз. ара, ари 'этот'. Отсюда ясно, что становление определительного артикля в убыхском, абазинском и абхазском /а в последнем и форматива родовой, обобщающей формы/ проходило, как и в адыгских языках, на базе указательного местоимения. Однако адыгские языки отличаются от других западнокавказских языков тем, что в основе определительного форматива лежит другое указательное местоимение — мы 'этот'. Кроме того, в адыгских языках в качестве определительных формативов выступают два морфологических элемента /-р, -м/, причем обе единицы являются суффиксальными морфемами, тогда как в других западнокавказских языках функцию определительного форматива несет одна префиксальная морфема а- /о вторичности трансформации определительного форматива а- в формант обобщающей формы в абхазском языке говорилось/.

Таким образом, в западнокавказских языках на базе разных указательных местоимений возникли позиционно различные артиклевые элементы — преф. а- и суф. -м. Нет никаких оснований полагать, что адыгские языки утратили артиклевый

элемент а-, представленный в других западнокавказских языках, хотя генетическая связь этой морфологической единицы с общеадыгским указательным местоимением а 'этот' очевидна.

2. ИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ

2.1. Предварительные замечания

Падежная система адыгских языков сложилась в результате действия тенденций, относящихся к различным историческим периодам. В соответствии с этим в системе склонения адыгских языков различаются напластования, соотносимые с разными хронологическими уровнями.

З а п а д н о к а в к а з с к и е я в л е н и я . Поскольку мы стоим на точке зрения, согласно которой категория падежа относится к инновациям, образованным после распада западнокавказского языка-основы, наличие в адыгских языках классов слов или словоформ, не знающих /или четко не различающих/ противопоставления основных двух падежей — именительного и эргативного — рассматриваются нами как реликтовое явление, унаследованное от праязыкового /западнокавказского/ состояния.

Не говоря о личных местоимениях, не образующих оппозицию именительный падеж — эргативный падеж, архаичной парадигмой характеризуются имена существительные собственные, имена существительные нарицательные в поссессивной, общей /родовой/ и других формах: адыг. Саусырыккьуэ макIуэ 'Саусырыко идет', Саусырыккьуэ нIуагъ 'Саусырыко сказал что-то'. Уипшъашъэ йэджэ 'Твоя дочь учится', Уипшъашъэ йэтхы 'Твоя дочь пишет что-то'. Имена существительные собственные, а также поссессивные, родовые и другие формы нарицательных существительных в современных адыгских языках проявляют уже колебания в выборе падежных формантов, т.е. они уже постепенно начинают втягиваться в парадигму склонения. Кроме того, между адыгскими языками отмечаются расхождения с точки зрения вариативности оформления им. и эрг. падежей /например, различия между адыгскими языками

в противопоставлении номинатива и эргатива в посессивной форме/. Однако здесь важны не те отклонения и колебания, которые довольно существенны и разнообразны в адыгских языках, а факт грамматической иррелевантности противопоставления номинатива и эргатива. Ущербоность парадигмы склонения, выражающаяся в том, что падеж действующего лица при переходных и непереходных глаголах может быть выражен нулевой формой, по существу, является остаточным явлением, восходящим к раннему хронологическому слою. Подобные остаточные явления, неполные /или неразвитые/ парадигмы именного склонения, являясь материалом для внутренней реконструкции, дополняют данные сравнительной реконструкции, в данном случае опирающейся на состояние именной парадигматики абхазского и абазинского языков.

А д ы г с к о - у б ы х с к и е я в л е н и я . В системе склонения четко обнаруживаются явления, довольно тесно сближающие адыгские языки с убыхским. Удельный вес адыгско-убыхских явлений особенно значителен в плане структурно-типологическом. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что механизм противопоставления номинатива и эргатива тождествен в убыхском и адыгских языках: номинатив субъекта управляется непереходным глаголом, эргатив субъекта — переходным глаголом. Единство разбираемых языков в выражении категории падежа состоит в том, что номинатив характеризуется в убыхском и адыгских языках нулевым формантом, а форма мн. числа эргатива образуется от формы ед. числа с помощью чередования нулевой огласовки эрг. падежа с гласным. Ср. адыг. ккьуэ, убых. кьуа 'сын' /номинатив ед.ч./, адыг. ккьуэ-м, убых. кьуа-н 'сын' /эргатив ед.ч./, адыг. ккьуэ-мэ, убых. кьуа-на 'сыновья' /эргатив мн.ч./.

Если даже оставить в стороне существующее в специальной литературе мнение о генетической взаимосвязи между адыгским формантом эргатива -м и его убыхским эквивалентом -н, то вполне очевидно структурное и функциональное тож-

дество сравниваемых языков с точки зрения оформления эргатива мн. числа. Убых. а, адыг. э как средство противопоставления форм числа в эр. падеже функционально эквивалентны, причем более архаичной является форма а.

Говоря о явлениях, объединяющих адыгские языки с убыхским, следует указать на синкретизм форм выражения номинатива и эргатива. В адыгско-убыхском ареале номинатив наряду с субъектом непереходного глагола, выражает прямой объект переходного глагола, а эргатив наряду с субъектом переходного глагола — косвенный объект /генетив, датив и т.д./. Ср. эргатив в функции датива: адыг. сийатэ/м/ йэстыгъ, каб. сийадем йэсташъ, убых. сытуын йыстукъла 'я отдал что-то /кого-то/ моему отцу'.

Общеадыгское именное склонение и его эволюция в современных адыгских языках. Для общеадыгского именного склонения постулируется наличие четырех падежей — именительного, эргативного, творительного и обстоятельственного. Хотя после распада общеадыгского языкового единства развитие падежной системы представляет собой процесс постепенного осложнения тех или иных падежей /в зависимости от характера склоняемых слов, морфолого-синтаксических и семантических особенностей/, четырехчленная система склонения, сложившаяся в эпоху праязыкового состояния, достаточно прочно удерживается во всех адыгских диалектах. При этом, как отмечалось, четырехчленная система характерна не для всех именных групп и грамматических форм существительных.

Те значительные колебания в формах выражения противопоставления им. и эр. падежей, которые проявляют разные лексико-грамматические классы слов в современных адыгских языках, в какой-то мере являются отражением тенденций, восходящих к общеадыгскому единству. Вместе с тем именное склонение включает новообразования как продукт индивидуального развития адыгских языков и диалектов /например, вариативное выражение эрг. падежа с помощью разных формативов в определенных типах имен существительных и др./.

2.2. Именительный падеж

Судя по всему, в общеадыгском отсутствует единая форма выражения им. падежа. Для оформления падежа субъекта при непереходном глаголе в общеадыгском используются нулевой форматив и форматив -р. Причем речь идет не о формате -р, выражающем артиклевую функцию, а о падежном значении, т.е. о формате -р, не выступающем членом морфологической оппозиции определенность/неопределенность. Во всяком случае есть основания утверждать, что формы им. падежа в таких конструкциях, как адыг. Л1ы мак1уэ 'Мужчина идет', Л1ыр уэры 'Мужчина - это ты' возводится к общеадыгскому состоянию. Если в первой конструкции нулевой форматив чередуется с формативом -р, несущем артиклевое значение /Л1ыр мак1уэ 'Мужчина идет'/, то вторая конструкция не допускает подобного чередования, поскольку форматив -р не только характеризуется абсолютной устойчивостью /без него невозможно построение подобной конструкции/, но лишен артиклевой /определятельной/ функции. Указанное явление свойственно всем адыгским диалектам и говорам, что и дает основание рассматривать его как продолжение общеадыгского состояния.

В современных адыгских языках форматив -р выражает: 1/ функцию определительного артикля; 2/ функцию падежного окончания им. падежа; 3/ функцию алломорфа, свободно чередующегося с нулевым показателем им. падежа; 4/ стилистическую /неграмматическую/ функцию. В общеадыгском же форматив -р обладает по меньшей мере двумя функциями: 1/ функцией окончания им. падежа /одновременно не являющегося определительным артиклем/; 2/ функцией определительного артикля.

Агглютинативный способ выражения им. падежа мн. числа с помощью суффикса числа -хэ и падежного окончания -р /-хэр/, характерный для всех современных адыгских диалектов и говоров, может быть возведен к эпохе общеадыгского языкового единства; ср. адыг. /resp, общеадыг./ ч1алэхэр

каб. шалэхэр 'юноши', адыг. /resp. общеадыг./ шыуызыхэр → каб. фызхэр 'женщины', каб. /resp. общеадыг./ махуэ хуабэхэр → адыг. мафэ фабэхэр 'теплые дни', каб. /resp. общеадыг./ цыхуышхуэхэр → адыг. цыфышхуэхэр 'большие люди'.

Анализ материала показывает, что как полифункциональность им. падежа /этот падеж обозначает не только субъект при непереходном глаголе, но и объект при переходном глаголе, т.е. является субъективно-объектным/, так и отсутствие единой формы его морфологического выражения следует приписать общеадыгскому состоянию. Значительные колебания в формах выражения им. падежа в разных лексико-семантических классах слов свидетельствуют о незавершенности процесса становления этого падежа в современных адыгских языках. Чередование форматива -р с нулем, имеющее широкое распространение в адыгских языках, характеризует неустойчивость формы им. падежа, наличие переходных, промежуточных этапов в истории ее формирования и развития.

2.3. Эргативный падеж

Форматив эрг. падежа ед. числа в современных адыгских языках реализуется в двух фонетических вариантах -мэ, -м. Вариант -мэ менее продуктивен и встречается в основном в диалектах и говорах: шапс. Пачыхмэ йыпшыльмэ ышлэжыгъэл 'Царь не узнал своей дочери /Керашева, 1957/; куб. Цыхумэ ар йыгуэту шытакълым 'Раньше человек не находил этого', Пыташэмэ кълыжлар мыра 'Вот что сказала девушка', Вариант -мэ употребляется также в эргативном косвенном. Ср. куб. Мэзмэ шыкълалэм... 'Когда он подъезжал к лесу...'; Шыкълэрэмэ тесу Батмэзэ кълэклэжа 'На вороном коне Батмиза приехал'. Вариант -мэ в эргативном субъектном и эргативном объектном /косвенном/ широкое распространение имеет в языке произведений Ш.Б.Ногмова: Байкъланмэ йыпчлэгъуаллэр 'Елие къланмэ кълэгъаллэр' 'Белого коня Байкана Елие кан умерщвляет' /Ногма, 1956, 49/; Къланокълуэ нэфмэ йымылэр... 'Жители одноглазого Канок... /59/; Цыпшмэ йытэгылыер... 'Мундир Шипша... /Там же/; Санжакълмэ члэтыр члэгъачлэр... 'Стоящего под знаменем сваливает... /65/.

Что касается варианта -м, то он характерен для всех адыгских диалектов и говоров, в том числе и для тех, в которых отмечается вариант -мэ. Отсюда можно предположить, что оба варианта сложились еще в эпоху общеадыгского единства, хотя более древним и исходным следует считать вариант с огласовкой /-мэ/. Принятие этого положения означает, что в раннюю эпоху общеадыгского состояния отсутствовало противопоставление форм ед. и мн. числа в эргативе. Дело в том, что среди вариантов форматива эргатива мн. числа -хэм, -хэмэ, -мэ последний реконструируется для общеадыгского состояния. Все три варианта представлены в адыгейском языке, а варианты -хэм, -хэмэ — в кабардинском языке. В отличие от -мэ варианты -хэм, -хэмэ являются чисто фонетическими, т.е. возникли в результате редукции до нуля конечного этимологического гласного э. Как отмечалось, элемент -хэ выражает мн. число, -м/э/ — эрг. падеж. Более древний вариант -мэ встречается только в адыгейском языке, причем некоторых диалектах -мэ свободно чередуется с -хэмэ, -хэм. Однако в этом отношении диалекты адыгейского языка различаются. В шапсугском диалекте эргатив мн. числа оформляется только при помощи -мэ /Керашева, 1957/. Поскольку же в этом диалекте имеются случаи оформления и эргатива ед. числа тем же формативом -мэ, то есть основание предполагать, что мы имеем дело с реликтовым явлением, отражающим общеадыгское состояние — отсутствие противопоставления форм ед. и мн. числа в эр. падеже.

Мы отмечали, что формы выражения эргатива ед. и мн. числа могут быть отнесены к адыгско-убыхским типологическим изоглоссам. Адыг. -м, убых. -н оформляют эргатив ед. числа, адыг. -мэ, убых. -на — эргатив мн. числа. Данные адыгских языков, в частности шапсугского диалекта позволяют прийти к выводу, что убых. -н является вторичным, т.е. восходит к -на. Из этой посылки вытекает, что в протоубыхском языке, как и в общеадыгском, отсутствовало числовое противопоставление в эр. падеже. Иными словами, убых. -на, как общеадыг. -мэ, служило немаркированной в числовом отношении формой выражения эр. падежа в именах существитель-

ных. Числовая дифференциация в эргативе должна быть отнесена к более поздней эпохе. Она произошла на основе чередования конечного гласного с нулем, что впоследствии приобрело морфологическое значение.

Положение о недифференцированном значении числа в эр. падеже в истории рассматриваемых языков поддерживается другими данными как внутренней, так и сравнительной реконструкции. В адыгских языках не только форматив -мэ, но и его более поздний фонетический вариант -м оформляет общее, недифференцированное число в эр. падеже. Конструкции типа адыг. /темирг., абадз./ ц1ыфым елуэ, каб. ц1ыхуым же1э 'человек говорит', адыг. /темирг., абадз./ ц1ыфым алуэ, каб. ц1ыхуым жа1э 'люди говорят', имеющие широкое распространение в адыгских языках, в особенности в темиргоевском и абадзехском диалектах и в кабардинском языке, по сути дела, включают форму эргатива, нейтральную в отношении числового противопоставления. В современных адыгских языках указанное явление справедливо рассматривать как продолжение тенденций праязыкового состояния, не знавшего числового противопоставления в эр. падеже.

Кроме того, и это существенно, для убыхского языка противопоставление форм числа в падежной системе характерно не для всех падежей. Так, номинатив /он имеет нулевую форму/ в убыхском языке указывает на единичность и множественность, согласуется с личной формой ед. и мн. числа глагола. То же следует сказать о других падежах — инструментальном, превратительном и др. Другими словами, для истории убыхского языка постулируется отсутствие числового противопоставления в системе падежей, поскольку и в эргативе формант -н возводится исторически к некоррелятивному -на.

Агглютинативный способ образования эргатива мн. числа с помощью двух формативов — форматива мн. числа -хэ и форматива падежа -м/э/, по-видимому, относится к эпохе после распада общеадыгского языкового единства. Заметим, что в адыгейском языке отмечаются употребление -мэ, -хэмэ, -хэм на уровне вариантов. Более того, в одном и том же диалекте наблюдается сосуществование всех указанных вариантов фор-

матива эрг. падежа мн. числа. Даже в адыгейском литературном языке /нередко в языке произведений одного и того же современного писателя/ встречаются варианты -мэ, -хэмэ, -хэм, что лишний раз подтверждает незавершенность процесса стабилизации форм выражения падежей, в том числе эргатива мн. числа. В кабардинском языке литературной нормой считается вариант -хэм. Однако более архаичная форма -хэмэ употребляется в диалектах и говорах: куб. сабийхэмэ 'дети', гъуынэгъухэмэ 'соседи'. Вариант -хэмэ представлен в языке произведений Ш.Б.Ногмова: узркы1хэмэ 'князья', лъэсхэмэ 'пехотинцы', шухэмэ 'всадники', ныбжыч1эф1хэмэ 'доблестные молодые' /Ногма, 1956/.

Форма -хэм в адыгских языках является фонетическим вариантом -хэмэ. Нельзя согласиться с мнением, что в адыгейском языке форма -хэм "представляет собой результат влияния кабардинского языка, в котором она является единственной для выражения этого падежа" /Яковлев, Ашхамаф, 1941, 386/. Разумеется, здесь не может быть речи о влиянии кабардинского языка на адыгейский: мы имеем дело с общей тенденцией перехода -хэмэ → -хэм, проявляющейся с разной степенью интенсивности в адыгских языках; ср. адыг. жайэ → каб. жэй 'грубый, злоязычный', адыг. шыч1ай/э/ — каб. шыч1эй 'невоспитанный, бестактный' /Кумахов, 1977, 120-121/.

Рассмотренные формы выражения эргатива ед. и мн. числа свойственны именам нарицательным. Причем не все грамматические категории нарицательных существительных различают формы эргатива и номинатива /например, поссесивные, отчасти родовые и другие формы/, что свидетельствует о незавершенности процесса становления эргатива в сфере указанной семантической группы имен существительных. Еще более показательны вариантные формы противопоставления эргатива и номинатива в именах собственных. Выше отмечалось, что имена собственные, как и личные местоимения, могут выступать в нулевой форме в позициях эргатива и номинатива. Однако в именах собственных наблюдается начало процесса противопоставления эргатива и номинатива, что выражается в

наличии вариантных форм в позициях эргатива и номинатива во всех адыгских диалектах. В то же время в собственных именах функциональная значимость вариантных форм противопоставления эргатива и номинатива различна в разных диалектах. В кабардинских диалектах в личных именах форматив -м в позиции эргатива, как и форматив -р в позиции номинатива, свободно чередуется с нулем, что и показывает инвариантность его грамматической функции. Более сильны тенденции к стремлению маркировать противопоставление эргатива и номинатива в именах собственных адыгейского языка, хотя последний также обнаруживает широкий диапазон колебаний в оформлении эргатива и номинатива в этой семантической группе имен существительных /Кумахов, 1971, 103-109/. Но все же можно сказать, что в склонении имен собственных кабардинский язык в целом более консервативен /по сравнению с адыгейским/, сохраняя черты общеадыгского немаркированного оформления падежа действующего лица при переходных и непереходных глаголах.

Более поздняя тенденция к противопоставлению эргатива и номинатива в именах существительных собственных с помощью форматива -ы отмечается в адыгейском языке. Форматив эр. падежа -ы характерен для собственных имен с конечным согласным: Асхъады /Уэсмэны, Ашьмэзы, Къарбэчы, Уэрзэмэджы, Умары, Мураты.../ ы́уагъ 'Асхад /Осман, Ашмез, Карбеч, Орземедж, Умар, Мурат.../ сказал что-то'. Однако в оформлении эргатива личные имена обнаруживают большие колебания: форматив -ы чередуется с нулем или формативом -м в тождественных окружениях: Асхъад /Асхъадым/ ы́уагъ 'Асхад сказал что-то'. Подобные колебания в выборе формы выражения падежа действующего лица при переходном глаголе встречаются в одном и том же диалекте /иногда в речи одного и того же информатора/. Заметим, что -ы в позиции эргатива чередуется также с -э. Это имеет место, как правило, в именах, оканчивающихся сонантами м, н, р: Ибрахьимы /Ибрахьимэ/ ы́уагъ 'Ибрагим сказал что-то', Хъасэны /Хъасэнэ/ ы́хыгъ 'Хасан написал что-то', Мухътары /Мухътарэ/ йэхы 'Мухтар несет что-то'.

Более устойчив форматив -ы в бжедугском диалекте, хотя нельзя сказать, что в этом диалекте -ы является единственной формой выражения эргатива в собственных именах с конечным согласным: бжедуг. Мэджидэ ыгуагъ 'Меджид сказал что-то'.

Существует мнение, что в адыгейском падежная форма на -ы /"гласное склонение"/ предшествовала образованию других падежных форм. В этой связи Н.Ф.Яковлев и Д.А.Ашхамаф утверждают, что "суффикс гласного склонения неопределенной формы имени представляет собой развитие существовавшего некогда более широкого употребления чередования гласных э и ы, чередования, которое, в частности, при сложении именных основ играло в известную эпоху роль начатков настоящего склонения. Таким образом, склонение в адыгейском языке представляет собой сравнительно недавнее явление, причем более древним является гласное склонение, а согласное склонение, как и определенная форма имени, представляет собой явление более позднее" /1941, 392/.

Положение об исходности формы на -ы для эргатива следует признать несостоятельным. Как отмечалось, форматив -ы характерен для личных имен с консонантным исходом. Однако личные имена, как и личные местоимения, характеризуются ущербной парадигмой, т.е. отсутствием противопоставления эргатива и номинатива с помощью формативов -м, -р. Последние лишь начинают вытягиваться в парадигму склонения личных имен, но еще не обладают инвариантным значением, свободно чередуясь с нулем. Иными словами, личные имена, как и личные местоимения, имеют архаичную модель склонения, что выражается в факультативном или чисто стилистическом характере форматива -м в эргативе и форматива -р в номинативе. Утверждение, что форматив эргатива -ы в личных именах отдельных адыгейских диалектов является древним реликтом, остаточным явлением, утраченным другими адыгскими /в том числе всеми кабардинскими/ диалектами, является несостоятельным. Форматив эрг. падежа -ы в личных именах, характеризующихся неразвитой парадигмой склонения, относится к адыгейским новообразованиям. Как увидим, еще менее удовлетворяет объяснение, согласно которому падежное оконча-

ние -ы генетически связано с аблаутными чередованиями гласных.

2.4. Творительный падеж

Форматив тв. падежа в адыгских языках и диалектах имеет несколько фонетических вариантов: шапс. -гьэ, -джэ, бжедуг. -джэ, абадз. -1ьэ, каб. -к1ьэ, -ч1э, темирг. -ч1э. Для общеадыгского состояния реконструируется *-гэ. О переходе гь → к1ь ср. также союзы и союзные аффиксы: шапс. ыгь, -ыгь, -игь, убык. гьа, -гьа, абаз. йыгь, -гь, абх. -гь при каб. /диал./ йык1ь, -ик1ь в значении 'и'. К общеадыгской форме непосредственно восходит шапс. -гьэ. Процесс *-гэ → -гьэ → -джэ закономерен. Закономерен также переход -к1ьэ → -ч1э, -к1ь → -1ьэ.

Падежное окончание тв. падежа присоединяется либо непосредственно к основе, либо к основе, включающей форматив -м. При этом форма производящей основы зависит как от функции падежа, так и от значения /лексической группы/ имени существительного /Кумахов, 1971, с. 129-139/. Тв. падеж многофункционален, причем функциональное многообразие этого падежа восходит к эпохе общеадыгского языкового единства. В плане содержания тв. падеж покрывает отдельные функции всех косв. падежей в русском языке. Разнообразна функция не только самого формата тв. падежа, но и формата -м в форме этого падежа. Наряду с артиклевой /определяющей/ функцией форматив -м в тв. падеже выполняет и другие функции. Ср. каб. сэч1э 'ножом /неопределенным/' — сэмч1э 'ножом /определенным/', но дыгьэч1э, дыгьэмч1э 'солнцем'. Вместе с тем форма тв. падежа показывает, что артиклевая функция формата -м в этом падеже является не только главной, но и первичной. Показателен тот факт, что артиклевую /определяющую/ функцию в тв. падеже несет именно форматив эргатива -м, а не форматив им. падежа -р. Заметим, что это явление находит довольно широкие типологические параллели в языках эргативного строя. Так, в ряде дагестанских языков от эргатива образуются другие косвенные падежи. Ср. авар. вас 'сын' /им. пад./, васас /эрг. пад./, васасул

/род. пад./, васасе /дат. пад./, васасда /местн. 1/, васасухь /местн. II/, васасуль /местн. III/, васасукь /местн. IV/, лезг. диде 'мать' /им. пад./, дидеди /эрг. пад./, дидедиэ /дат.пад./, дидедин /род. пад./, дидедив /местн 1/ и др.

Тв. падеж мн. числа образуется только от эргатива. Однако в отличие от тв. падежа ед. числа тв. падеж мн. числа не знает противопоставления форм определенности и неопределенности. Ср. адыг., каб. уынехэмчIэ 'домами', уыне дахэхэмчIэ 'красивыми домами'. Модель тв. падежа /основа + суффикс мн. числа + окончание эргатива + окончание тв. падежа/ является общей для всех адыгских языков и диалектов. Есть основания полагать, что рассматриваемая модель творительного падежа мн. числа восходит к общеадыгскому состоянию.

Что касается генезиса форматива тв. падежа, то существуют разные точки зрения по этому вопросу. Одни специалисты разделяют предложенное еще Р.Эркертот объяснение, согласно которому форматив тв. падежа генетически связан с основой чIэ 'хвост, рукоятка' /Erkert, 1895, 263/. Н.Ф. Яковлев и Д.А.Ашхамаф также полагают, что падежное окончание -чIэ возводится к основам чIы, чIэ 'ручка, рукоятка, конец, хвост' /Яковлев, Ашхамаф, 1941, 254, Яковлев, 1948, 113/. А.К.Шагиров /1961, 54/ усматривает в падежном окончании два элемента -орудное -чIэ и направлятельное, причем первое, по его мнению, связано со словом чIы 'ручка', а второе - со словом чIэ 'хвост, конец'.

На несостоятельность точки зрения, предложенной еще Р.Эркертот, указывалось уже в литературе /Зехо, 1969, 154/. Данные адыгейских диалектов свидетельствуют о том, что основы слов чIы 'ручка', чIэ 'хвост, конец' и окончания тв. падежа -чIэ - генетически не сводимые друг к другу единицы. Ср. мапс. кIээ, бжедуг. чIэ 'конец, хвост, ручка, рукоятка', но мапс. -гъэ, бжедуг. -дж - окончание тв. падежа. Материал тех же диалектов показывает, что основы слов чIэ 'хвост, конец', чIы 'ручка, рукоятка' генетически взаимосвязаны.

Имеется и другое объяснение этимологии окончания тв. падежа. Его предложил У.С.Зекох /155-158/, согласно которому рассматриваемое окончание генетически связано с абхазско-адыгским соединительным суф. -гъы /абх., убых./, ыгъы /абаз./, ыгъы /шапс./, ычъи /адыг./ ычъи /каб./ 'и'. У.С.Зекох полагает, что фонетические варианты чъи, дж, гъ, лъ диахронически выражают союзное значение в составе указательного местоимения, а синхронически эти варианты представлены в темир-г. зы-чъи-и, бжедуг. зы-дж-и, шапс. зы-гъ-и, абадз. зы-лъ-и 'нисколько, никак' /156/. При таком объяснении возникают трудности, связанные с отсутствием в адыгских языках каких-либо следов указательного местоимения с морфологическим показателем союзности чъи, дж, гъ, лъ. Кроме того, привлеченный Зекохом материал требует несколько иной интерпретации. Формы ычъи, ыджъи, ыгъы, ылъы 'нисколько, никак' включают не союзный показатель чъи, дж, гъ, лъ, а союзный показатель и. Фонетические варианты чъи, дж, гъ, лъ в указанном слове восходят к формативу тв. падежа, как и в формах типа темир-г. уатэчъи, бжедуг. уатэджъи, шапс. уатэгъы, каб. уадэчъи букв. 'и молотом'. Формы ычъи, ыджъи, ыгъы, ылъы — десемантизированные фонетические варианты тв. падежа от слова зы 'один': ычъи, ыджъи, ыгъы, ылъы 'нисколько, никак, ничем' ← 'и одним' /Кумахов, 1971, 164-165/.

Возражение вызывает генетическое отождествление окончания тв. падежа с глагольным словообразовательным суф. -чъы. Ср. адыг. кыуэ-чъы 'походка, манера ходить', адыг. шыла-чъы, каб. псыуэ-чъы 'образ жизни, способ жизни'. По мнению Н.Ф.Яковлева и Д.А.Ашхамафа /1941, 254/, генетическая связь глагольного словообразовательного суф. -чъы "с орудным суф. -чъы совершенно ясна". С категорическим утверждением авторов невозможно согласиться, поскольку данные внутренней реконструкции никак не согласуются с подобным объяснением. В то время как для общеадыгского состояния реконструируется форматив тв. падежа *-гъ /см. шапс. -гъы/, глагольный словообразовательный суф. -чъы /кыуэ-чъы 'походка, манера ходить'/, представленный

во всех адыгских диалектах, восходит к общеадыгскому -к1э через промежуточный вариант -к1ьэ, представленный в ряде диалектов и говоров. Ср. шапс. шы1а-к1ьэ 'жизнь', но 1э-гьэ 'рукой'. Тем самым отпадает объяснение Н.Ф.Яковлева и Д.А.Ашхамафа, возводивших разбираемые формативы к одному источнику.

В отличие от глагольного словообразовательного аффикса в значении 'способ, манера действия' с фонетической точки зрения с формативом тв. падежа сближаются некоторые суффиксы обстоятельственного значения. Ср. темирг., абадз., каб. плъагъуын-ч1э, бжедуг. плъагъуын-джэ 'чтобы смотреть', нат1э-джэ 'лбом', темирг., абадз. нэсыфэ-ч1э, каб. нэсыху-ч1э, шапс. нэсыфэ-гьэ 'пока он дойдет', темирг., абадз. зыхъу-ч1э, каб. шыхъу-ч1э, бжедуг. зыхъу-джэ 'пока будет', бжедуг. сабын-джэ 'мылом'.

Не только в фонетическом отношении, но и в функциональном плане представляется возможным сближение общеадыгского форматива тв. падежа -гэ с абхазско-абазинским формативом инструментальности -га. Ср. абх. ащы-га 'орудие письма', ажуы-га 'орудие /посуда/ для варки', ацуагъуа-га 'пахотные орудия /соха, плуг и т.д./'.

Говоря об относительной хронологии форматива тв. падежа и его отношении к формативам грамматических падежей /номинатива и эргатива/ -р, -м, следует предположить, что общеадыгский форматив -га исторически предшествует формативам -р, -м. В пользу этого положения можно привести данные внутренней реконструкции, в частности архаичную парадигму склонения личных местоимений, четко различающих форму тв. падежа во всех современных адыгских диалектах при отсутствии падежей субъекта действия, маркированных формативами -р, -м.

2.5. Обстоятельственный падеж

Форматив обстоятельственного /или превратительного/ падежа имеет фонетические варианты, распределяющиеся по-разному в современных адыгских языках. При этом выбор варианта определяется фонетическим строением основы. В кабардин-

ском языке в односложных основах с вокалическим исходом используется вариант -уэ. Ср. каб. сэуэ 'в качестве ножа', лһуэу 'как кровь', псыуэ 'в качестве воды', пццһуэу 'как ложь'. В разговорной речи основы рассматриваемого типа допускают также вариант -у; ср. каб. сэу 'в качестве ножа', псыу 'в качестве воды'. Вариант -у характерен для многосложных основ с исходным гласным э всех адыгских диалектов: адыг. ма-шһуэу, каб. мафһуэу 'как огонь', адыг., каб. мышһуэу 'как медведь', мазэу 'как луна', адыг. тыгһуэу, каб. дыгһуэу 'как солнце'. В кабардинском языке в подобных основах возможен вариант -уэ: мафһуэуэ, мышһуэуэ, мазэуэ, дыгһуэуэ. В адыгейском языке конечный гласный ы в положении перед формативом обст. падежа переходит в гласный э: цһы-фэу 'как человек' /цһыфы 'человек'/, шһуыцзэу 'как женщина' мэзэу 'как лес' /мэзы 'лес'/, уыцэу 'как трава' /уыцы 'трава'/. В этих фонетических условиях в кабардинском языке реализуются разные варианты формата обст. падежа: цһыхууу, цһыхууэ 'как человек', фызыу, фызуэ 'как женщина', мэзуу, мэзуэ 'как лес', уыцзуу, уыцзуэ 'как трава'. Причем варианты типа каб. цһыхууу, цһыхууэ 'как человек' являются свободными или стилистическими.

По своей функции форматив -у/э/ в именных основах наминает форматив обст. /трансформативного/ падежа - -ad, -d в грузинском языке. Ср. каб. сэ-уэ, груз. dana-d 'в качестве ножа', каб. фһы-уэ, груз. karga-d 'хорошо'. Следует, однако, отметить, что функциональное различие между формами сэ-уэ 'в качестве ножа', фһы-уэ 'хорошо' связано с семантикой основы, сочетающейся с формативом -у/э/. Это видно из конструкций типа каб. ар мэзхуымэ-у малажэ 'он работает лесником', ар дахэ-у матхэ 'он пишет красиво'. В обеих конструкциях именная форма имеет обстоятельственное значение, причем обстоятельственный форматив сам по себе однозначен. Но в первой конструкции именная форма /мэзхуымэ-мэу 'лесником, в качестве лесника' указывает на признак лица, а во второй — на признак действия /дахэу 'красиво'/. В этом, собственно, заключается основное различие между обст. падежом от основы существительного /мэзхуымэу/ и

обстоятельственной формой /дахэу/, традиционно рассматривающейся как наречие в адыгских языках.

На общеадыгском уровне форматив обст. падежа реконструируется как ж-гуэ. Опорой для реконструкции ж-гуэ служат материалы И.-А.Гюльденштедта, Ш.Б.Ногмова /1956/, Л.Г.Лопатинского /1891/, К.Атажукина /1864/ и др. Ср. у Ш.Б.Ногмова: пццанэхэгуэ 'как голые', дахэгуэ 'красиво', фыгуэ 'хорошо', хабзэгуэ 'как закон', хуэмгуэ 'медленно'; у К.Атажукина: шыгуэ 'как конь', быцэшыгуэ 'как грудное молоко', зэшибгьугуэ 'как семь братьев', шыпхьугуэ 'как сестра', анэгуэ 'как мать'. Подобные формы зафиксированы еще раньше /во второй половине 18 в./ И.-А.Гюльденштедтом /Турчанинов, 1959/.

В специальной литературе предпринимались попытки объяснить генезис формата обст. падежа. Еще Л.Г.Лопатинский /1891, 45/ возводил разбираемый форматив к неопределенному местоимению гуэрэ 'кто-то, что-то'. Однако развитие формата обст. падежа на базе указанного местоимения не подтверждается данными ни внутренней, ни внешней реконструкции. Трудно согласиться также с мнением, согласно которому форматив обст. падежа генетически связан с личным местоимением уэ 'ты', префиксом 2-го лица у-, элементом у- в бжедугских словах /и словоформах/ удэ, удьджэ 'туда', удырэр '/тот/ другой', ур 'тот'/Зекох, 1969, 167/. Общеадыгская форма формата обст. падежа ж-гуэ, широко представленная в материалах И.-А.Гюльденштедта, Ш.Б.Ногмова, К.Атажукина, Л.Г.Лопатинского и других, не позволяет генетически отождествлять данное падежное окончание с элементом у- в личном местоимении уэ 'ты', личном аффиксе у- и приведенных бжедугских словах.

Заслуживает внимания сближение формата обст. падежа с абхазским аффиксом в деепричастных образованиях типа дыца-уа 'он идя' /Рogaва, 1956, 101/. В функциональном плане подобное сближение поддерживается тем, что в адыгских языках форматив обст. падежа и форматив деепричастных

форм обнаруживают генетическое тождество: каб. джэгу-уэ 'он играя'. В то же время принятие этого сближения означает, что абхазский афф. -уа в деепричастных формах фонетически восходит к -гуа; ср. каб. к1уэ-гуэ 'он идя'. Однако подобный вывод малоубедителен в отношении абхазского языка, поскольку нет оснований для возведения абх. -уа к -гуа. Более надежно сближение общеадг. -гуэ, образующего обст. падеж и деепричастную форму, с функционально эквивалентным формативом -гъа в убыхском. Ср. убых. апсалтъ-хъу-гъа 'в качестве жениха, как жених', сы-к1ъа-гъа 'я идя' /Кумахов, 1971, 167/. Указанное сближение основывается на соответствии адг., каб. /resp. общеадг./ гу убыхскому гъ. Ср. адг., каб. гуы, убых. гъы 'сердце'.
Итак, есть основания полагать, что форматив обст. падежа восходит к эпохе адгско-убыхского языкового единства. На адгско-убыхском уровне может быть реконструирован архетип *-гуа с обстоятельственной функцией в именах и глаголах.

2.6. Заключение

Для общеадгского состояния реконструируется четырех-членная система склонения, что отражено в таблице:

Падеж	Ед.ч.			Мн.ч.		
	общеадг.	адг.	каб.	общеадг.	адг.	каб.
Им.	ø//-р	ø//-р	ø//-р	-хэр	-хэр	-хэр
Эрг.	ø// <u>-м/э/</u>	ø// <u>-м,мэ</u>	ø// <u>-м,</u> <u>мэ</u>	<u>-мэ,</u> <u>-хэмэ</u> <u>-хэм</u>	<u>-мэ,</u> <u>-хэмэ</u> <u>-хэм</u>	<u>-хэмэ,</u> <u>-хэм</u>
Тв.	-гэ	-гъэ, <u>к1ъэ,</u> <u>-джэ</u> <u>-ч1э -ч1э</u>	-хэмгэ	-хэмгъэ, <u>-хэмджэ,</u> <u>-хэмч1э</u>	-хэ- <u>мк1ъэ,</u> <u>-хэ-</u> <u>мч1э</u>	-хэ- <u>мк1ъэ,</u> <u>-хэ-</u> <u>мч1э</u>
Обст.	-гуэ	-у	-гуэ, -уэ, -хэгуэ -у	хэу	-хэгуэ, <u>-хэуэ,</u> <u>-хэу</u>	-хэгуэ, <u>-хэуэ,</u> <u>-хэу</u>

Поскольку и общеадыгский язык имеет довольно длительную историю, реконструируемые падежные формы относятся к разным хронологическим периодам его существования и развития. В именном склонении используются морфологические элементы, восходящие к общеадыгскому языку и более ранним праязыковым состояниям. Если принять точку зрения /а для этого имеются основания/, согласно которой личные местоимения и личные имена характеризуются моделью склонения, отражающей более ранние исторические эпохи, то отсутствие противопоставления номинатива и эргатива исторически предшествует образованию тв. и обст. падежей. Это положение отчасти поддерживается прозрачной этимологией форматива эрг. падежа, восходящего к общеадыгской основе указательного местоимения мы в значении 'этот' /субстантивировано 'он'/ . Падежная функция форматива -м исторически восходит к определительной /артиклевой/, что видно из его этимологии. Однако артиклевое значение не сохранилось в эрг. падеже: категория определенности/неопределенности не свойственна этому падежу. Исходная /артиклевая/ функция форматива -м различается в тв. падеже, образуя оппозитивные формы определенности/неопределенности: адыг., каб. уыне 'дом' /им.п./, уыне-м-чы ~ уыне-чы /тв.п./.

Развитие общеадыгского эргатива на базе указательного местоимения обнаруживает типологическое сходство с историей становления форматива эрг. падежа в грузинском языке. Как известно, форматив этого падежа -п, -па современного грузинского языка засвидетельствован в древнегрузинском языке в форме -пан, полностью совпадающей с указательным местоимением пан 'тот', субстантивировано 'он' /Климов, 1962, 55/. Ср. др.-груз. кас-пан 'человек' /эрг.п./. Как в грузинском, так и в адыгских языках форма эргатива исторически восходит к сочетанию основа + указательное местоимение. В адыгских языках наряду с формой тв. падежа указательную семантику отчетливо сохраняют соединительные формы; ср. каб. Лырэ фырэ кыуаш 'Мужчина /неопределенный/ и женщина /неопределенная/ пошли', но Лырэ фымырэ

к1уашь 'Мужчина /определенный/ и женщина /определенная/ пошли'.

История становления эрг. падежа тесно сближает адыгские языки с убыхским. В последнем эргатив является не только субъектно-объектным падежом, как и в адыгских языках, но образован также на базе парадигматизации основы указательного местоимения. Убыхский форматив эрг. падежа -н генетически связан с указательным местоимением йына 'этот'; ср. убых. атытын 'человек' /эрг. п./.

В то время как форматив -м в эргативе утратил определенную семантику, форматив -р в номинативе маркирует также артиклевую форму. Многозначность формата -р в номинативе /-р выражает функции показателей артикля, падежа, стилистическую функцию, выступает в качестве свободного варианта нуля, причем актуализация конкретного значения определяется лексико-грамматическими факторами/ свидетельствует о том, что использование его в роли падежного окончания номинатива относится к более поздней эпохе. Судя по всему, форматив -м как падежное окончание эргатива исторически предшествует формату -р, выполняющему функцию окончания им. падежа. Если под понятием "падеж" видеть не выражение артиклевой /определятельной/ функции, то форматив -р не так часто выступает в качестве падежного окончания в современных адыгских языках. Падежная форма на -р в конструкциях типа каб. Гъэмахуэр къыхьашь 'Наступило лето' восходит к нулевой форме. Невозможно в этой конструкции заменить форму на -р /гъэмахуэр 'лето'/ формой без него, что и показывает синтаксический /падежный/ статус данного формата. Однако наличие конструкций типа Гъэмахуэ хъуыжашь 'Вновь наступило лето' /где невозможно употребление имени с формативом -р/ позволяет отнести падежную функцию формата -р хронологически к более поздней эпохе общеадыгского единства.

Для раннеобщеадыгского правомерно постулировать существование немаркированного им. падежа, как и маркированного формата -м эр. падежа. Характерно, что подобное морфологическое соотношение номинатива и эргатива отмечается в

убыхском языке, обнаруживающем много общего в структурно-типологическом плане с падежной системой адыгских языков. В то же время представляется очевидным, что форматив -р не только в качестве падежного окончания, но и в функции определенного артикля возник на адыгской почве, т.е. не идет глубже общеадыгского хронологического уровня.

3. КАТЕГОРИЯ ЧИСЛА

Грамматическая категория числа по-разному выражается в адыгских языках и диалектах. В адыгейском языке для выражения формы мн. числа используются суффиксальные морфемы -хэ, -э, в кабардинском языке — -хэ и его фонетический вариант -һэ. Элемент -э характерен для эргатива мн. числа, причем в письменной речи /да и в некоторых диалектах/ употребляется также -хэ: адыг. шаклуэ-хэ-р, каб. шьаклуэ-хэ-р 'охотники' /им. п./, адыг. шаклуэ-мэ /шаклуэ-хэ-мэ, шаклуэ-хэ-м/, каб. шьаклуэ-хэ-м, шаклуэ-һэ-м /эрг.п./, адыг. шаклуэ-хэ-м-члэ, каб. шьаклуэ-хэ-м-члэ, шаклуэ-һэ-м-члэ /тв.п./, адыг. шаклуэ-хэ-у, каб. шьаклуэ-хэ-у, шаклуэ-һэ-у /обст. п./. Как видно, форматив числа предполагает наличие формата падежа. Последний, за исключением эргатива, следует за формативом числа. Вообще эрг. падеж занимает особое место с точки зрения выражения грамматической категории числа. Характерной особенностью этого падежа является возможность его употребления с недифференцированным значением числа. Ср. каб. цыхуым жэлэ 'человек говорят', цыхуым жалэ 'люди говорят', фызым йыпсалтэ 'слово женщины', фызым йапсалтэ 'слово женщин'. Эргатив /цыхуым, фызым/ в сочетании с личной формой ед. числа или посессивной формой ед. числа указывает на единичный объект, в сочетании с личной формой мн. числа или посессивной формой мн. числа — на множественность объектов. Отсюда видно, что наряду с формами, образующими числовые корреляции, имеются формы /эргатив субъекта, эргатив объекта/, лишенные числовых противопоставлений в морфологическом плане. Применительно к ним мы употребляем термин 'общее число' /Ку-3.Зак.2061

махов, 1971, 6-14/.

Как и во многих других языках, в исследуемых языках форму *singularia tantum* имеют отвлеченные и вещественные имена существительные /ср. адыг., каб. л1ыгъэ 'мужество', йынагъ 'величина', адыг. шы1ач1э, каб. псэуыч1э 'жизнь', адыг. лэжьэгъу, каб. лэжьэгъуэ 'время работы', адыг. дышъ, каб. дышъэ 'золото', адыг. тыжыны, каб. дыжын 'серебро', адыг., каб. шыгъуы, каб. шыгъу 'соль', адыг., каб. псы 'вода', адыг. шэ, каб. шэ 'молоко', адыг. уэсы, каб. уэс 'снег' и др./.

Имена, существительные, характеризующиеся формой *pluralia tantum*, ограничиваются группой слов, образованных путем преф. зэ-. Речь идет о производных существительных типа адыг. зэшхэр, каб. зэшхэр 'братья', адыг. каб. зэгъуынэгъухэр 'соседи'.

Все указанные формы числа сложились в эпоху общеадыгского языкового единства. Вместе с тем разные формы, в частности, формы мн. числа, возникли в разное время. В эрг. падеже форма мн. числа, образованная посредством форматива -э, предшествует образованию в этом падеже мн. числа с помощью форматива -хэ. Поэтому адыгейский язык по сравнению с кабардинским сохраняет более архаичную форму выражения мн. числа, обнаруживающую структурно-типологическое сходство с убыхским языком. Ср. адыг. -м, убых. -н — формативы эргатива ед. числа, адыг. -мэ, убых. -на — формативы эргатива мн. числа.

Однако данные внутренней реконструкции позволяют утверждать, что исторически в эргативе вообще не различались формы ед. и мн. числа путем форматива -э. Судя по всему, последний восходит к огласовке окончания эрг. падежа, нейтрального в отношении числового противопоставления. Об этом свидетельствуют не только имеющий довольно широкий ареал распространения в диалектах эрг. падеж на -мэ с недифференцированным числовым значением, но и реликтовые единицы в литературном языке, включающие разбираемую форму. Ср., например, эргатив на -мэ в устойчивом фразеологическом выражении: каб. Хъэмэ к'ы1ильхуа 'Сукин сын', букв. 'Рожденный

от собаки'. Как отмечалось выше, форма эргатива ед. числа на -мэ представлена у Ш.Б.Ногмова /1956/: гъуэгуэмэ вместо гъуэгуым 'дорога', гъэмэ вместо гъэм 'год', зауэмэ вместо зауэм 'битва', бгымэ вместо бгым 'гора', биймэ вместо бийм 'враг' и др.

Для внутренней реконструкции формы числа в эргативе показательны данные адыгейских диалектов. Тот факт, что в одном и том же диалекте эргатив ед. и мн. числа может быть выражен формативом -мэ, говорит в пользу его нейтральности в числовом отношении в определенный период развития общеадыгского языка. Примеры типа шапс. Пачыхъэмэ йыпшыащэ ышэжыгъэ 'Царь не узнал своей дочери', Адрэ шыуашэхэр лымэ зыпшальагъэх 'Те наряды одели мужчины' /Керашева, 1957, 53/, по-видимому, отражают отсутствие числовой дифференциации в эрг. падеже: форматив -мэ обозначает как эргатив ед. числа /пачыхъэмэ 'царь'/, так и эргатив мн. числа /лымэ 'мужчины'/.

С точки зрения реконструкции формы мн. числа в эрг. падеже определенный интерес представляет материал убыхского языка. Как отмечалось в литературе, в убыхском языке форма мн. числа в эргативе образуется от формы ед. числа с помощью гласного а, т.е. механизм выражения эргатива мн. числа в этом языке совпадает с адыгейским языком. Ср. убых. кьуа-и, адыг. ккьуэ-м 'сын' /эрг. ед. числа/, убых. кьуа-на, адыг. ккьуэ-мэ 'сыновья' /эрг. мн. числа/. Следует думать, что подобный изоморфизм в образовании эргатива мн. числа в двух родственных языках не случаен. Характерно, что в убыхском языке в других падежах, в том числе в именительном, отсутствует числовое противопоставление. Есть основания полагать, что в убыхском языке и в эр. падеже реализация числового противопоставления вторична и является результатом чередования конечного гласного а в формате -на с нулем /Кумахов, 1976, 50/. Как и форматив -мэ в адыгских языках, форматив -на в убыхском языке в его исходном состоянии, по-видимому, был нейтрален в числовом отношении.

Вместе с тем в адыгейском языке выражение мн. числа в

эргативе путем форматива -э/ккьуз-мэ 'синовья', уыиэ-мэ 'дома' / предшествует появлению специального афф. числа -хэ перед -мэ. Составной форматив эргатива мн. числа -хэ-мэ и его фонетический вариант -хэ-м относятся к более поздней эпохе. Вытеснение форматива -мэ более поздними формами -хэ-мэ, -хэ-м в кабардинских диалектах можно объяснить выравниванием парадигмы мн. числа по модели им. падежа. Форма числа в им. падеже в адыгских языках и диалектах выражается формативом -хэ. Ср. адыг., каб. пшыа-пшыэ-хэ-р 'девушки', адыг. ч1алэ-хэ-р, каб. ш1алэ-хэ-р 'парни'. Принимая во внимание, что форматив -хэ в им. падеже имен существительных является единственным морфологическим средством выражения мн. числа, охватывающим все современные живые диалекты и говоры, мы вправе предположить, что этот способ уже существовал в эпоху общеадыгского языка.

Таким образом, в общеадыгском языке были разные способы выражения мн. числа: форматив -хэ для им. падежа, форматив -э для эрг. падежа /хотя последний в более ранние периоды формирования языка-основы выполнял функцию огласовки форматива -мэ, нейтрального с точки зрения числового противопоставления/.

Общеадыгский форматив -хэ в кабардинских диалектах /баксанском, бесланеевском, кубанском, терских говорах/ имеет фонетический вариант с ларингальным спирантом -һэ, а в некоторых кубано-зеленчукских говорах - с мягким спирантом -х'э. Оба варианта-кабардинское новообразование. Что касается происхождения -хэ, то в специальной литературе отмечалось его материальное и функциональное сходство с убыхской корневой морфемой ха, выражающей понятие множества /Кумахов, 1971, 33/. Имеется и другое объяснение генетических связей общеадыгского числового форматива -хэ с убыхским материалом. Г.В.Рогова /1972, 345-346/ сближает -хэ с убыхским формативом числа -лъа в указательных местоимениях. Ср. убых. йына 'это', йына-лъа 'эти'. Во всяком случае, есть известные основания сказать, что числовой форматив -хэ относится к тем морфологическим единицам, которые разделяет общеадыгский язык с убыхским.

Абхазский и абазинский, хотя и характеризуются разнообразием средств выражения числа в их современном состоянии, все же стоят особняком с точки зрения противопоставления форм числа. Во-первых, в абхазском и абазинском формы числа противопоставляются по классному признаку: для класса человека употребляется форматив -цуа, для класса вещи — -куа. Ср. абх. апса-цуа 'абхазцы', аьхьа-куа 'горы'. Имеются и другие способы выражения числа: для класса человека суффикс -аа с оттенком собирательности /абх. оча-мчыр-аа 'очамчирцы' -куа и -цуа /абх. хьа-цу-куа-к1 'какие-то мужчины'/, варьирование форм числового противопоставления /абх. агьр-куа, агьр-цуа 'мегрелы' и др./. Во-вторых, в абхазском и абазинском имеются специфические формы единичности и собирательности в отношении некоторых лексических групп: абх. асыс 'ягненок', асар 'ягнята'. В целом же в абхазско-абазинских диалектах как формативы числового противопоставления по классному признаку /-цуа, -аа, -куа/, так и формативы, выражающие формы единичности и собирательности, не находят параллелей в других западнокавказских языках.

Анализ материала позволяет прийти к выводу, что грамматическая категория числа в именах существительных сложилась в период после распада западнокавказского языка-основы. Этим объясняется отсутствие общего числового форматива, возводимого к эпохе западнокавказского языкового единства. Очевидна вторичность обилия морфологических средств выражения числа в абхазском и абазинском /хронологически они не идут глубже эпохи абхазско-абазинского диалектного единства/. В адыгских языках числовое противопоставление, хотя и сложилось в эпоху общеадыгского языкового единства, претерпело изменения в последующий период в плане парадигматического выравнивания /ср. тенденции к обобщению формы выражения мн. числа в разных падежах в адыгских языках: -хэ-мэ, -хэ-м вместо -мэ в эргативе по модели -хэ-р в номинативе/. В отношении же убыхского языка можно сказать, что отмечаются лишь начатки формирования форм противопоставления числа в именах с помощью суффиксальных морфем /-н, -на/, что, по-видимому, демонстрирует более архаичное

состояние рассматриваемой грамматической категории в именных частях речи.

4. КАТЕГОРИЯ ПРИТЯЖАТЕЛЬНОСТИ

4.1. Общая характеристика

Адыгские языки различаются с точки зрения выражения категории притяжательности. В кабардинском языке представлены следующие притяжательные префиксы: си- 'мой', уи- 'твой', йы- 'его', ди- 'наш', фи- 'ваш', йа- 'их'. Ср. сиуыне 'мой дом', уиуыне 'твой дом', йыуыне 'его дом' и т.д.

В адыгейском языке имеются два типа притяжательных префиксов. Префиксы первого типа совпадают с приведенными префиксами кабардинского языка /если не считать чисто фонетические различия в 1-2 лице мн. числа/: си- 'мой', -уи 'твой', -йы 'мой', ти- 'наш', шыуи- 'ваш', -йа 'их'. Префиксы второго типа: с/ы/-, с/а/- 'мой', у/ы/-, у/а/-, п-, п1- 'твой', ы- 'его', т/ы/-, т/а/-, т1- 'наш', шыу/ы/-, шыу/а/- 'ваш', а- 'их'. В то время как в кабардинском языке для всех слов, обладающих формой посессивности, используются префиксы первого типа, в адыгейском языке противопоставляются посессивные формы в зависимости от способа их выражения.

Префиксы первого типа образуют формы отчуждаемой /неорганической, неотторжимой/ принадлежности, префиксы второго типа — формы неотчуждаемой /органический, отторжимой/ принадлежности. Слова, сочетающиеся с префиксами неотчуждаемой принадлежности, составляют закрытый список. К ним относятся названия тела и организма /пэ 'нос', не 'глаз', гуы 'сердце', 1э 'рука', лъаккхуэ 'нога'/, названия родства /ккхуэ 'сын', пхуы 'дочь', шы 'брат', шыпхуы 'сестра' и др./, послелог /дэж 'возле, около', пашххэ 'впереди', ч1ыб 'сзади', бгуы 'сбоку' и др./. С префиксами неотчуждаемой принадлежности употребляются также единичные существительные, относящиеся к разным семантическим группам. /уасэ 'цена', ц1э 'имя', ч1эап1э 'место', ныбж 'возраст', тхэапэ 'лист, листья', ныккхуэ 'половина' и др./. Все ос-

тальные слова характеризуются формой неотчуждаемой принадлежности, т.е. сочетаются с префиксами первого типа.

Однако имеются некоторые диалектальные особенности, проявляющиеся в употреблении форм притяжательности. Так, в абадзехском диалекте наблюдается использование префиксов отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности на уровне вариантов, т.е. как факультативные формы одного и того же слова, закрепленного лишь за префиксами неотчуждаемой принадлежности в других адыгейских диалектах. Ср. абадз. сын/э/, син/э/ 'мой глаз', сыгу, сигу 'мое сердце', спэ сипэ 'мой нос', ыбгъэ, йыбгъэ 'его грудь', ыпшъэ, йыпшъэ 'его шея', ыбзэ, йыбзэ 'его язык'. Подобное варьирование форм принадлежности свидетельствует о том, что в диалектах протекает процесс преобразования форм неотчуждаемой принадлежности в формы отчуждаемой принадлежности.

В этом отношении показательны данные языка анатолийских шапсугов, всесторонне и глубоко исследованного голландским кавказоведом Р.Смеетсом. Процесс нейтрализации форм отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности в анатолийском шапсугском диалекте протекает более интенсивно, чем в других адыгейских диалектах. При этом характерно, что разбираемая морфологическая оппозиция определяется не только лексико-семантическими особенностями, но и фонетическими. "Краткие префиксы /префиксы неотчуждаемой принадлежности - М.К./ чаще всего используются, с одной стороны, с субстантивами, которые указывают на родственников /первой ступени/ — отца, мать, с другой — с субстантивами, включающими начальный глоттализированный или глухой согласный" /Smeets, 1984, 390/.

Вместе с тем в развитии категории посессивности наблюдаются разнонаправленные тенденции в одной и той же диалектной среде. Так, в диалекте причерноморских шапсугов отмечается обратное явление: расширение круга имен существительных, характеризующихся формами неотчуждаемой принадлежности: шапс. уыкъэрал, адыг. лит. уыкъэрал 'твое государство', шапс. уышъхэр, адыг. лит. уышхэр 'твои лошади', шапс. тымьлъку, адыг. лит. тымьлъку 'наше имущество', шапс. уысэщфуэ, адыг. лит. уисэхуэ 'твой меч' /Керашева, 1957, 39/.

Как отмечалось, в кабардинском языке отсутствует категория отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности. Но некоторые следы этой морфологической категории прослеживаются в бесланеевском диалекте. Ср. бесл. сыпэ, каб.-черк. лит. сипэ 'мой нос', бесл. сынэ, каб.-черк. лит. синэ 'мой глаз', бесл. сычъ, каб.-черк. сикъ1уэш 'мой брат'. В бесланеевском диалекте "происходит постепенное вытеснение форм органической принадлежности формами имущественной принадлежности, которые становятся универсальной формой притяжательности, как в кабардинском языке" /Балкаров, 1959, 60/.

Характеризуя категорию притяжательности в ее современном состоянии, отметим, что в адыгских языках представлены и формы относительной принадлежности. В адыгейском языке преф. зы- выражает неотчуждаемую относительную принадлежность, преф. зи- — отчуждаемую относительную принадлежность. В кабардинском языке форма относительной принадлежности нейтральна, т.е. выражается посредством одного преф. зи-. Ср. адыг. зышъхъэ, каб. зишъхъэ 'чья голова', адыг. зыжэ, каб. зижэ 'чей рот', адыг. зышпхъу, каб. зишпхъу 'чья сестра', адыг., каб. зиуынэ 'чей дом', зихъэ 'чья собака'.

Итак, в адыгейском языке противопоставляются формы отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности, а в кабардинском языке /бесланеевском диалекте/ отмечаются лишь некоторые остаточные явления, указывающие на существование данной морфологической категории и в этом языке. На формы неотчуждаемой принадлежности накладываются лексические /и отчасти фонетические/ ограничения, тогда как формы отчуждаемой принадлежности охватывают самые различные семантические группы исконных и всех старых и новых заимствований.

4.2. К истории категории притяжательности

Категория притяжательности характерна для всех западнокавказских языков. Причем во всей группе языков посессивность выражается префиксальными элементами, генетически

связанными с личными или лично-классными местоимениями. Ср. адыг. с-шъхъэ 'моя голова', каб. уи-гу 'твое сердце', убых. шы-бза 'наш язык', абх. й-клумжун 'его /мужчины/ черкеска', абаз. б-уаса 'твоя /женщины/ овца'. Однако среди западнокавказских языков адыгейский язык выделяется наличием особых, дифференцированных форм посессивности, обусловленных лексическим значением существительного и послелога. Лишь адыгейский язык различает формы отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности, что и диктует необходимость выяснения генезиса и относительной хронологии разных типов морфологического выражения посессивности в этом языке.

Заметим, что с интересующей нас точки зрения адыгейский язык находит довольно широкие типологические параллели в других языках. Так, в североамериканских, меланезийских, тунгусо-маньчжурских языках, как и в адыгейском, представлена категория отчуждаемой / неотчуждаемой принадлежности. О природе дифференцированного выражения принадлежности предмета, его генезисе и отношении к общей категории посессивности существует значительная литература. При этом обращает на себя внимание тот факт, что разбираемое явление рассматривается не столько с лингвистической точки зрения, сколько в плане взаимоотношения уровня развития языка и мышления. Не вдаваясь подробно в историю вопроса, отметим, что по проблеме происхождения категории отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности специалисты, за немногими исключениями, разделяют точку зрения Леви-Брюля /1914/, согласно которому данная грамматическая категория, являясь отражением в языке особенностей ранних ступеней развития человеческого мышления, возводится к глубокой древности. Отталкиваясь от положения Леви-Брюля о глубокой архаичности категории отчуждаемой-неотчуждаемой принадлежности, Н.Ф.Яковлев и Д.А.Ашхамаф объясняют дифференциацию форм выражения посессивности развитием естественно-го разделения труда и возникновением обмена и двух форм собственности — общей и частной. Не выдерживает критики следующая интерпретация причин отсутствия и существования

категории отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности: "Кабардинское общество пошло в своем классовом развитии, в развитии феодализма дальше адыгейского. И в кабардинском языке сохраняется уже только один вид притяжательных префиксов, именно тот, который соответствует адыгейским префиксам имущественной принадлежности. В кабардинском обществе, как более развитом классовом обществе, даже физическая принадлежность частей человеческого тела и его органов самому организму уже рассматривается как в сознании, так и в языке только под формой частнособственнических отношений. Такое же единственное грамматическое выражение принадлежности по тем же причинам мы находим и во всех развитых европейских языках, в том числе и в русском" /Яковлев, Ашхамаф, 1941, 303/. Положение о связи категории отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности с определенной ступенью развития общественной формации /она возникла якобы в условиях менее развитого классового общества и исчезла в условиях более развитого классового общества/ легко опровергается тем, что данная грамматическая категория устойчиво сохраняется в современном адыгейском языке.

Сущность категории отчуждаемой/ неотчуждаемой принадлежности в языках различных типов состоит в дифференцированном выражении посессивных отношений в зависимости от семантики слова. Поэтому можно сказать, что классификация слов по форме посессивности в этих языках имеет более или менее четкие семантические основания. Вместе с тем в круг имен существительных, принимающих форму неотчуждаемой принадлежности, в одних языках входят знаменательные и служебные слова, в других — небольшое число имен существительных. Более универсальный разряд слов, объединяющих разные языки, составляют названия родства и родственных отношений.

С грамматической точки зрения в разграничении форм посессивности в зависимости от семантики слова, нет ничего необычного, что заставило бы исследователя рассматривать его как явление, связанное с особой стадией мышления. Ка-

тегория отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности базируется на семантических принципах. Однако в этом отношении данное грамматическое явление не составляет исключения. Подобные семантические основания имеют другие грамматические категории. Так, классная и отчасти родовая классификация основывается на семантических принципах. Грамматические классы разумных и неразумных, классы мужчин и женщин мотивированы, образуя четкие корреляции между морфологией и лексикой. Грамматическая категория отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности, как и грамматическая категория классов, является продуктом развития языка, а не следствием особой формы человеческого мышления.

Следует подчеркнуть, что теория глубокой архаичности категории отчуждаемой / неотчуждаемой принадлежности возникла не на базе всестороннего и детального изучения материала с привлечением данных внутренней и внешней реконструкции, а в результате универсализации частных выводов и наблюдений. Грамматическая категория отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности как более детализированная форма выражения посессивности в языках различных типов возникает в разные исторические периоды и продолжает функционировать независимо от уровня развития мышления. В этом отношении представляет интерес история сложения и развития категории посессивности в западнокавказских языках.

Различные ступени формирования категории посессивности, сохранившиеся в различных западнокавказских языках, свидетельствуют о том, что дифференциация форм выражения посессивных отношений относится к позднему периоду развития их истории. Этот вывод, основанный на данных внутренней и сравнительной реконструкции, заключается в следующем.

В убыхском, абхазском и абазинском языках для выражения посессивной формы используются простые и однотипные префиксальные элементы, этимологически связанные с личными или классно-личными местоимениями. В кабардинском языке, как и в убыхском, абхазском и абазинском, отсутствует противопоставление отчуждаемых и неотчуждаемых форм. Однако в

кабардинском языке посессивные префиксы 1 - 2-го лица производны, т.е. морфологически членимы: каб. 'мой' си ← *сы + йы, 'твой' ← *уы + йы и др. По своей этимологии кабардинские префиксы посессивности совпадают с адыгейскими префиксами отчуждаемой принадлежности. Префиксы неотчуждаемой принадлежности в адыгейском языке, как и префиксы посессивности в убыхском, абхазском и абазинском языках, морфологически нечленимы: адыг., убых., абх., абаз. с- 'мой', у- 'твой' и др. Вторичность производных /составных/ префиксов типа си-, уи- и др., выражающих посессивность в кабардинском и отчуждаемую форму посессивности в адыгейском, представляется очевидной. Вторичные префиксы типа си- 'мой', уи- 'твой' образованы от первичных простых /нерасчленимых/ префиксов типа с- 'мой', у- 'твой', используемых для оформления категории посессивности в убыхском, абхазском и абазинском. Это дает основания постулировать для западнокавказского уровня наличие единой категории посессивности, выражающейся простыми префиксами. Исходные простые префиксальные формы сохранились и в адыгейском языке, но с возникновением категории отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности приобрели более узкое значение, выражая не посессивность вообще /как это и поныне имеет место в убыхском, абхазском и абазинском/, а посессивность особого типа — неотчуждаемую принадлежность. Тем самым исторически простые нейтральные префиксальные формы оказались членами грамматической оппозиции, т.е. стали противопоставляться новым производным формам, выражающим отчуждаемую принадлежность.

Возникнув как локальное и вторичное явление на адыгской почве, формы отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности не получили дальнейшего развития. В кабардинских диалектах /за исключением бесланеевского/ произошла полная нейтрализация противопоставления форм отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности. В этих диалектах префиксы более поздней формации утвердились в качестве общих /универсальных/ средств выражения посессивности. В этой связи небезынтересно отметить, что в языке Ш.В.Ногмова /1956/ широко представлены варианты сы- 'мой', ды- 'наш' вместо си-

'мой', ди- 'наш'. Ср. сы-шъауз 'мой юноша', сыжырабгъу-ынэр 'мой правый глаз', сы- Маршэнкълуыл 'мой Маршанкул', дышэмэгъыжхэр 'наши старые косы', дышу 'наш всадник', ды- Кълэбэрдьер 'наша Кабарда', дынарт 'наш нарт', ды- Тэтэртуп 'наш Татартуп' и др. Как показывает семантика имен существительных, употребляющихся с префиксами сы-, ды-, здесь речь идет не о дифференциации форм отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности, а о чисто фонетических вариантах способа выражения посессивности.

Говоря об относительной хронологии категории отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности, Г.Ф.Рогава отмечает, что она "возникла после дифференциации адыгских языков, т.е. в эпоху самостоятельности адыгейского языка" /Рогава, 1975, 47/. Принимая во внимание тот факт, что следы категории отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности прослеживаются и в одном из кабардинских диалектов — бесланеевском — нами было высказано мнение о том, что данная грамматическая категория может быть отнесена к более раннему хронологическому уровню — эпохе общеадыгского языкового единства /Кумахов, 1971, 57/. Однако независимо от того, возникла ли категория отчуждаемой/неотчуждаемой принадлежности в эпоху общеадыгского единства или в последующий период — в эпоху самостоятельного существования адыгейского языка, представляется очевидным вторичный и локальный характер рассматриваемого явления в истории западнокавказских языков.

5. КАТЕГОРИЯ СОЮЗНОСТИ

5.1. Формы выражения союзности

В общеадыгском разные классы слов — имена, глаголы, местоимения и др. характеризуются морфологической категорией союзности. Союзные /суффиксальные/ формы достаточно хорошо сохранились в современных адыгских языках и диалектах, хотя и подверглись фонетическим модификациям. Ср. одиночные и повторяющиеся суффиксальные элементы -и /-и... -и/, -рэ /-рэ... -рэ/: адыг., каб. пырашты 'и девушка',

сэри 'и я', адыг. сык1уыи, каб. сык1уэри 'я пошел и', адыг. пшъашъэрэ ч1алэрэ 'девушка и парень', каб. сэрэ уэрэ 'я и ты'.

Суф. -рэ /-рэ... -рэ/ соответствует -ла /-ла... -ла/ в убыхском языке: убых. сынала сытуала 'моя мать и мой отец'. На этом основании было бы неправомерным реконструировать для общеадыгского состояния суф. ^{*}-лэ /-лэ... -лэ/. Если убыхская форма разбираемого суффикса является исходной для адыгской формы, то это может означать, что форма -ла /-ла... -ла/, восходящая к эпохе адыгско-убыхского единства, дала форму -рэ /-рэ... -рэ/ на общеадыгской почве.

Как и в адыгских языках, в убыхском повторяющийся сочинительный суффикс используется для соединения сложных количественных числительных. Ср. убых. т1к1уат1уа-ла за-ла, адыг. т1оч1ырэ зы-рэ, каб. т1ош1-рэ зы-рэ 'двадцать и один и'. Любопытно, что в убыхском суф. -ла употребляется в сочетании с другим сочинительным суф. -гъы: сыгъуа-гъы сычала 'я и мой конь'.

Указанное сопоставление фонетически поддерживается другими примерами. Ср., например, соответствие адыгейского адвербиального суф. -рэ абхазско-абазинскому -ла: адыг. мафэ-рэ, абх.-абаз. чъынла 'днем', адыг. чэшьырэ, абх. уахъынла, абаз. уакъыла 'ночью'. Обращает на себя внимание и другое соположение — общеадыгский орудный афф. р/э/- и абхазско-абазинский орудный афф. -ла; ср. абх. чъыла аныкъуара, адыг. шым рык1уэн 'ездить верхом' /букв. 'конем'/.

Ж.Дюмезиль считает, что в абхазско-адыгских языках разбираемые аффиксы инструментальности /орудности/, адвербиальности и союзности генетически взаимосвязаны /Dumezil, 1933/. Оставляя в стороне вопрос об отношении инструментального и адвербиального элементов к аффиксу союзности, можно полагать, что убыхский сочинительный суф. -ла и его адыгский эквивалент -рэ генетически тождественны.

Адыг. -рэ, убых. -ла в абхазском и абазинском функционально соответствует суф. -й /-ый/. Ср. абх. сарей уарей, абаз. сарый уарый 'я и ты', букв. 'я-и ты-и', абаз. алы-

гажуый атажуый 'старик и старуха' букв. 'старик-и старуха-и'. Отметим, что соединительный суф. -й в абхазском и абазинском употребляется в сложных числительных, причем ему также отвечает -рэ в адыгских языках, -ла в убыхском языке: абаз. г1уажуый хьпа, адыг. т1оч1ырэ шьырэ, убых. т1кь1уат1уала шьала 'двадцать три'. В абхазском и абазинском в отличие от родственных языков /адыгейского, кабардинского, убыхского/ соединительный суффикс в сложных числительных не повторяется при втором компоненте. Вместо образования типа 'двадцать-и три и' /'двадцать три'/, характерного для адыгейского, кабардинского и убыхского языков, в абхазском и абазинском представлено образование типа 'двадцать и три' /'двадцать три'/, что, по-видимому, отражает более древнее состояние общеабхазско-адыгского единства. В адыгских языках тип связи с одним сочинительным афф. -ры /-рэ/ сохраняется в разделительных числительных. Ср. адыг., каб. зы-ры-з 'по-одному', адыг. т1уы-ры-т1у, каб. т1у-ры-т1 'по-два', адыг. шыы-ры-шь, каб. шы-ры-шь 'по-три'.

Отношение убых. -ла, адыг. -рэ к абх., абаз. -й в генетическом плане остается неясным, хотя в пользу этого соположения имеются некоторые факты. В адыгской фонологической системе сонант -р относится к инновациям. Сонант -р, который возможен лишь в аффиксальных морфемах, нередко чередуется с сонантом й. Ср.: адыг. йэ-с-тыгь 'я что-то ему отдал', но р-йы-тыгь 'он что-то ему отдал', йа-ч1ал 'их сын', уы-ряа-ч1ал 'ты их сын'. Эти примеры свидетельствуют о чередовании й - р в аффиксе 3-го лица, причем исходным является сонант й. Ср. также параллельные формы: каб. гуы-йы-х, гуы-ры-х 'страх, страшный', сигуйыль, сигу-ры-ль 'моя мысль'. На почве исторического чередования й-р возможно возник элемент -ры между превербами и основой глагола. Ср. адыг., каб. к1уэц1ыры-ч1ын /к1уэц1ым йы-ч1ын/ 'пройти сквозь что-то', пэ-рэ-тын /адыг. апэ йы-тын, каб. йапэ йы-тын/ 'находится перед чем-то'.

В свете приведенных фактов нельзя исключить, что чередование й - р отражает более древнее состояние абхазско-адыгских языков.

В адыгских языках к хронологически более поздней эпохе относится сочинительный суф. -и /+- ий/. Этимология суффиксальной морфемы -и хорошо прослеживается в адыгских языках. Синтетический способ выражения сочинительной связи посредством суф. -и непосредственно возводится к аналитическому способу. В адыгских языках и диалектах представлены разные типы сочинительной связи, обнаруживающие между собой генетическое тождество. Наряду с синтетическим способом выражения сочинительной связи посредством суффиксальной морфемы -и в адыгских языках имеется аналитический способ передачи сочинительных отношений. При аналитическом способе выражения сочинительной связи между однородными членами используется союзное слово: адыг. ич1и, каб. йич1и. Ср. адыг. лэжьэн ич1и йэджэн 'работать и учиться', каб. т1ысын йыч1и тэджын 'сидеть и вставать'.

Адыг. ич1и, каб. йич1и в современных адыгских языках соединяет однородные сказуемые. Однако есть основания утверждать, что исторически разбираемый союз использовался для соединения однородных членов, выраженных существительными и местоимениями. Об этом свидетельствует реликтовая форма на -ич1, применяемая для выражения сочинительной связи в адыгских языках. Форма на -ич1 удерживается в кабардинском языке и шапсугском диалекте адыгейского языка, причем не только функционально, но и морфологически она является эквивалентом соединительного суф. -и: сэри уэри, сэрич1 уэрич1 'и я, и ты', ц1ык1уи йыни, ц1ык1уиц1 йынич1 'и мал, и велик'.

Сочинительный элемент -и представляет собой фонетический вариант более архаичной формы -ич1. Не вызывает сомнения, что соединительная морфема -ич1 генетически восходит к соединительному союзу йыч1и 'и'. В адыгейских диалектах союзу йыч1и соответствуют ич1и /тем./, иджи /бжед./, ыи /абаз./, ыгы /шапс./. Исходной формой в адыгейских диалектах является шапсугская форма ыгы. Соответственно в шапсугском диалекте наряду с вариантом сочинительного суф. -ич1 встречается вариант -игь /-гь/. Вариант -ич1 характерен для речи шапсугов, живущих в СССР, а вариант -игь

/-ыгь, -гь/ имеет широкое употребление в шапсугских текстах, записанных Г.Дюмезилем, А.Намиток, К.Пари. Ср., например, аригь 'и он' /им.п./, ашьыгь 'и он' /эрг.п./, гыьригь 'и еще', нысэригь 'и невеста', члалэмигь 'и молодой человек', сэригь 'и я' /Dumézil, Namitok, 1955/.

На материале шапсугского диалекта легко восстанавливается исходная форма сочинительного суф. -и: игь ← ич1 'и'.

Следует остановиться на взаимоотношениях сочинительного суф. -и в сфере имен существительных и местоимений и соотносительного суф. -и в глаголе. Функциональная близость и материальное тождество этих сочинительных аффиксов, казалось бы, не оставляют сомнений в их генетическом единстве. Однако при решении вопроса о взаимосвязи этих аффиксальных морфем приходится учитывать некоторые существенные различия в их функционировании в современных языках. Различия эти касаются прежде всего формы реализации соединительного элемента и его морфемных вариантов.

Как говорилось, в адыгских языках сочинительная морфема -и как средство сочинительной связи в конструкциях типа ш1али 'и юноша', ш1али хьыджэбзи 'и юноша, и девушка', сэри 'и я', сэри уэри 'и я, и ты' имеет равнозначный и свободный вариант в виде -ич1, -игь, что бесспорно свидетельствует о его генетической связи с союзным словом йыч1и, ыгьи 'и'. Этот вывод, основанный на данных внутренней реконструкции, подтверждается и данными сравнительной реконструкции, т.е. на материале родственных языков.

Такого же происхождения сочинительный суф. -и в глагольных формах типа ш1эхъэми 'если он и входит', йытхьми 'если он и пишет', где он также свободно чередуется с вариантом -ич1: ш1эхъэмич1 'если он и входит', йытхьмич1 'если он и пишет'.

Сочинительный суф. -и иначе ведет себя в именах существительных и местоимениях с глагольными формами типа ш1эхъэшъ 'войдя', 'вошел и', йытхъшъ 'написав', 'написал и'. Ср. Ар ш1эхъэшъ уынэми т1ысашъ 'Войдя в комнату, он сел' — 'Он вошел в комнату и сел'. Суф. -и, входящий в состав имени существительного /уынэми/, не имеет своего

варианта: невозможно сказать Ар шіэхъэшъ уынэмичі тійсашъ. В конструкциях с глагольными формами типа шіэхъэшъ 'войдя', 'вошел и' суфф. -и служит средством соединительной связи двух сказуемых — финитной и инфинитной, а существительное /или местоимение/, хотя и включает в свой состав соединительный элемент /уынэми/, не находится в сочинительной связи с другими членами предложения. В данном случае соединительный суфф. -и в составе существительного или местоимения по своей функции равнозначен суфф. -и в глагольных формах типа шіэхъэри 'войдя', 'вошел и'. Ср. Ар уынэм шіэхъэри тійсашъ 'Он вошел в комнату и сел' — 'Войдя в комнату, он сел'. Суфф. -и в глагольных формах типа шіэхъэри 'войдя', 'входя', 'вошел и' также не чередуется с -ичі: невозможно сказать Ар уынэм шіэхъэричі тійсашъ. Очевидно, что суфф. -и в имени существительном уынэми /Ар шіэхъэшъ уынэми тійсашъ 'Он вошел в комнату и сел'/ и суфф. -и в глаголе шіэхъэри /Ар уынэм шіэхъэри тійсашъ 'Он вошел в комнату и сел'/ имеют и генетическое тождество.

Итак, в двух функционально равнозначных, но синтаксически разных конструкциях Ар шіэхъэшъ уынэми тійсашъ — Ар уынэм шіэхъэри тійсашъ 'Войдя в комнату, он сел' — 'Он вошел в комнату и сел' сочинительный суфф. -и ведет себя одинаково, несмотря на то, что в первой конструкции он входит в состав имени существительного /уынэми/, а во второй — в состав глагола /шіэхъэри/. В этих конструкциях суфф. -и соединяет сказуемые и выступает без фонетического альтернанта. В конструкциях типа шіали/чі/ хьыджэбзи/чі/ 'и юноша, и девушка', шіэхъэми/чі/ 'если он входит' соединительный суфф. -и ведет себя также одинаково, хотя в первой конструкции он сочетается с именем существительным, а во второй — с глаголом. В обеих конструкциях суффикс выступает в двух взаимозаменяемых вариантах. Ср. также следующие предложения: Ар шіэхъэшъ уынэми тійсашъ 'Он вошел в комнату и сел'; Ар уынэми шіэхъэри тійсашъ 'Он и в комнату вошел и сел'.

В первом предложении суфф. -и в слове уынэми соединяет инфинитную форму глагола шіэхъэшъ 'войдя, вошел и' с финит-

ной формой т1ысащ 'сел'. Во втором — суф. -и в слове уынэми выражает сочинительную связь последнего с другими членами предложения, а связь между двумя сказуемыми в этом же предложении выражается с помощью суф. -и, входящего в состав инфинитной формы глагола ш1эхьэри. Соответственно в первом предложении суф. -и в слове уынэми, как и тот же суффикс в слове ш1эхьэри во втором предложении, выступает без каких-либо фонетических вариантов, в то время как суф. -и в слове уынэми во втором предложении свободно чередуется с вариантом -ич1. Ср. Ар уынэмич1 ш1эхьэри т1ысащ 'Он и в комнату вошел и сел' при отсутствии в том же значении Ар уынэми ш1эхьэрич1 т1ысащ, Ар ш1эхьэщ уынэмич1 т1ысащ.

5.2. К истории категории союжности

Из изложенного нельзя не прийти к выводу, что как в функциональном, так и в структурном отношении в адыгских языках различаются два омонимичных суффикса для выражения сочинительных связей. Нет достаточных оснований утверждать, что в генетическом плане эти сочинительные суффиксы взаимосвязаны. Во всяком случае, хронологически они относятся к разным периодам.

Адыгские формы сочинительного суффикса и соотносительного союза, в особенности их реликтовые варианты в шапсугском диалекте находят параллели в других абхазско-адыгских языках. Ср., например, абаз. йыгы 'и', убых. гъа 'и': абаз. ахьыцзара йыгы апхьнысхра 'догнать и перегнать', убых. гъа йадама гъа мац1ыма 'ни много, и ни мало'. Не исключена возможность генетической связи сочинительного союза ыгы /адыг./, йыгы /абаз./, гъа /убых./ 'и' с абхазским егыи 'другой'. Ср. абх. уигы егыгы ихуартам 'ни то, ни другое не годится', уигы егыгы аант1 'пришли и тот, и другой'.

Трансформация аналитического способа выражения сочинительной связи в синтетический прослеживается также в других языках абхазско-адыгской группы. Морфологизация сочинительного союза, а отсюда — возникновение синтетического

способа выражения сочинительной связи между однородными членами — общий процесс развития и формирования категории союзности в абхазско-адыгских языках. Ср., например, в языках абазинском и убыхском, как и в адыгских языках, сочинительные суффиксы наряду с соотносительными союзами: абаз. саргы ауыгы 'и я, и он', атыгы ажугы 'и лошадь, и корова', убых. анайишугы апхъадыкIугы 'и юноша, и девушка'.

Итак, в современных абхазско-адыгских языках соединительная связь выражается афф. -й /абх. абаз./, -ла /убых./, -рэ /адыг., каб./, а присоединительная связь афф. -гы, -гый /абх. абаз./, гь, йгь, ичI, й, -и /адыг., каб./, что дает основание постулировать для абхазско-адыгского единства наличие двух синтетических способов выражения сочинительной связи.

В абхазско-адыгских языках выявляется тенденция к смене аналитического способа выражения сочинительных отношений синтетическими. В этом отношении можно отметить разные ступени развития к синтетизму. Развитие в направлении к синтетизму завершено в абхазском языке, утратившем сочинительный союз, а вместе с тем и аналитический способ выражения сочинительных связей между однородными членами. В абхазском для выражения сочинительных связей между однородными членами используются суффиксы, но уже утрачен соотносительный сочинительный союз, встречающийся в других языках. Ср. абх. уаргы саргы, уарей сарей 'и ты, и я.'

В современных адыгских языках, как уже отмечалось, сочинительный союз йычIи, ичIи, ыгы 'и' соединяет только однородные сказуемые. Как средство сочинительных связей между однородными членами, выраженными существительными и местоимениями, союз йычIи, ичIи, ыгы полностью вытеснен суффиксальной морфемой -и /-ичI, -игь/. Однако и в этой роли сочинительный союз малопродуктивен. Аналитический способ выражения сочинительных связей между однородными сказуемыми не способен конкурировать с синтетическим способом. Конструкция типа шIэхъэшъ йычIи '/он/ вошел и сел' употребляется редко. Вместо нее широко используется

более экономичная и живая синтетическая конструкция ш1эхьэри т1ысапъ '/он/ вошел и сел'.

Синтетический тип, восходящий к аналитическому, получил широкое распространение и в других языках. Ср., например: в абазинском элементы гь-, йыгь- для соединения однородных членов, выраженных глаголом-предикатом: Дыгьстацап1 дыгьсахьыап1 'Она мне и невеста, и дочь'. Асы шк1ок1уап1 йыгьпышдзап1 'Снег белый и красивый'. Как видно, сочинительный аффикс в абазинском языке выступает не только в виде суффикса, но и префикса. Ср. также абх. дагьжуым да-цуым 'ни корова, ни бык'.

Итак, на смену аналитического типа связей между членами предложения, пришел синтетический тип. Аналитический тип вытеснен синтетическим в сфере существительных и местоимений, но продолжает действовать /наряду с синтетическим/ в глаголе, отражающем более древнее состояние развития форм сочинительных связей между однородными членами предложения в абхазско-адыгских языках.

6. ИМЕННОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

6.1. Основные способы именного словообразования в общеадыгском языке

К основным способам общеадыгского именного словообразования относятся сложение, суффиксация и редупликация. Типы сложных слов разнообразны, что в значительной мере компенсирует непродуктивность аффиксального словообразования. Отдельные аффиксальные /суффиксальные/ образования в современных адыгских языках отчетливо сохраняют лексические связи со сложными словами. Некоторые суффиксы этимологически возводятся к самостоятельным основам, выступавшим в качестве второго компонента сложных слов в общеадыгском языке. Как увидим ниже, связь между сложными и аффиксальными словами прослеживается не только на таких прозрачных по своей морфемной структуре словах, как адыг. мыжъуаль, каб. мывальэ 'каменустый', уыщылъэ, каб. уыдзылъэ 'травянистый'. К сложным словам возводятся и более десемантизированные слова типа адыг. бгышъэ, каб. бгышэ,

адыг. тхышьэ, каб. тхышэ 'горбатый', адыг., каб. назэ 'косоглазый' и др. Иными словами, с точки зрения продуктивности соотношение между сложением и аффиксацией было иным в эпоху общеадыгского языка. Многие модели общеадыгских сложений преобразованы в аффиксальные слова в современных адыгских языках.

Как способ образования новых слов редупликация, бесспорно, возводится к эпохе общеадыгской языковой общности. К общеадыгской эпохе могут быть отнесены такие модели сложных образований, как адыг. ч1апэлъапэ 'обрывок, кончик' /ср. адыг., каб. ч1апэ ← ч1э 'конец' + пэ 'начало', адыг., каб. лъапэ ← лъэ 'нога' + пэ 'начало' /, адыг., каб. 1эгъуымлъэгъуым 'толстый' /ср. адыг., каб. 1эгъуым ← 1э 'рука' + гъуым 'толстый', адыг., каб. лъэгъуым ← лъэ 'нога' + гъуым 'толстый' /, адыг., каб. пхъэшъхъэмшъхъэ 'фрукты' /ср. адыг., каб. пхъэшъхъэ ← пхъэ 'дерево' + шъхъэ 'голова', адыг., каб. мышъхъэ ← адыг., каб. мы 'яблоко' + шъхъэ 'голова' /. Как увидим далее, типы общеадыгских сложных слов, образованных путем редупликации части одного из компонентов, довольно многообразны.

Следует полагать, что такие типы сложных слов, как адыг. 1уэр-жъуэр, каб. 1уэр-вэр 'болтун', адыг. теп1уэн-ч1элъын, каб. теп1эн-ш1элъын 'постельные принадлежности', адыг. шхын-шъуэн, каб. шхын-фэн 'еда - питье', представленные во всех современных адыгских диалектах, также унаследованы от общеадыгского состояния.

Наряду со способами сложения, суффиксации и редупликации в общеадыгском действовали и другие, хотя и менее распространенные, и менее продуктивные способы словообразования. Так, есть все основания утверждать, что образование имен существительных с помощью преф. зэ-хронологически восходит к эпохе общеадыгского языкового единства. Ср. адыг., каб. зэшхэр 'братья', адыг. зэныбджэгъухэр, каб. зэныбжэгъухэр 'ровесники, друзья'. То же можно сказать о создании слов с помощью конверсии. Хотя процесс втягивания основ в парадигму разных частей речи все еще продолжается в современных адыгских языках, отдельные основы типа адыг. шак1уэ, каб. шъак1уэ 'охотник', адыг. шак1уэ-,

каб. шъак1уэ — основа глагола 'заниматься охотой', адыг., каб. джэгу 'игра', адыг., каб. джэгу — основа глагола 'играть' и др. В общеадыгском языке уже были нейтральными с точки зрения их принадлежности к именным и глагольным основам.

6.2. Структурные типы общеадыгских сложных слов

Основные структурные типы сложных слов, представленные в современных адыгских языках, возводятся к эпохе общеадыгского языкового единства. Приведем некоторые модели сложных слов, восходящие к общеадыгскому состоянию.

Сочетание двух основ существительных: адыг., каб. на-пэ 'лицо' /ср. нэ 'глаз', пэ 'нос'/, адыг., каб. 1эгу 'ладонь' /ср. 1э 'рука', гуы 'середина', 'сердце'/, адыг. шъхъацы, каб. шъхъэц /ср. шхъхэ 'голова', цы 'шерсть'/, адыг. нэпсы, каб. нэпс 'слеза' /ср. нэ 'глаз' псы 'вода'/, адыг. лъап, каб. лъапэ 'носок' /ср. лъэ 'нога', пэ 'нос'/.

В основе разбираемой общеадыгской модели сложных слов этимологически лежат атрибутивные словосочетания.

Вторую группу сложных слов, возводимых к общеадыгскому языку, составляют образования типа адыг. шыгъу-п1аст, каб. шыгъу-п1астэ 'хлеб-соль', 'угощение' /ср. адыг. шын-гъу, каб. шыгъу 'соль', адыг., каб. п1астэ 'крутая, обычно пшенная каша'/, адыг. мэккъу-мэшъ, каб. мэкъу-мэш 'сельское хозяйство' /ср. адыг. мэккъуы, каб. мэкъу 'сено', адыг. мэшъы, каб. мэш 'просо'/.

В общеадыгском /как и в современных адыгских языках/ сложные слова этого типа менее продуктивны. Компоненты сложных слов разбираемого типа синтаксически равноправны /они связаны по принципу координации/. Семантически их значение /в составе сложного слова/ не выводится из суммы значения /в их самостоятельном употреблении/. Ср. каб. джэд-кы1аз 'домашняя птица' /ср. джэд 'курица', кы1аз 'гусь'/.

Сочетание основы существительного и основы глагола. Сюда относятся: адыг. п1ц1уыс, каб. п1ц1уупс 'лгун, лжец' /ср. п1ц1ы 'ложь', уысы-н 'сочинять'/, адыг. нэфышъ, каб. нэфыш.

нэхуушь 'рассвет', 'предрассветная заря' /ср. адыг. нэфы, каб. нэху 'свет', адыг. нэф мэ-шьы, каб. нэху мэшь 'рас-светает'//, адыг. псыфэллэ, каб. псыхуэллэ 'жажда, желание пить' /ср. адыг., каб. псы 'вода', адыг. фэллэ-н, каб. хуэллэ-н 'умирать, умереть', адыг. фэ-, каб. хуэ- префикс версии/, адыг., каб. гуыйых 'ужас, страх' /ср. адыг. гун 'сердце', адыг., каб. йыхы-н 'вытащить'//, гуыккьуыт, каб. гуыккьуытэ 'горе, несчастье' /ср. адыг., каб. гун 'серд-це', адыг. ккьуытэ-н, каб. ккьуытэ-н 'разбить, разби-вать'//, адыг. гуыхэч1, каб. гухэш1 'горе, печаль, несчас-тье' /ср. адыг., каб. гун, адыг. хэч1ы-н, каб. хэш1ы-н 'уменьшаться, убавляться'/. Разбираемый тип сложных слов был продуктивным в общеадыгском языке. Характерно, что все указанные сложные слова, восходящие к общеадыгскому состоянию, имеют соотносительные устойчивые словосочета-ния. Ср. адыг. п1ц1ы йэуыс, каб. п1ц1ы йэуыпс 'он лжет', букв. 'он сочиняет ложь' /согласный п перед свистящим с в каб. йэуыпс — фонетическое наращение//, адыг. псы сыфэ-ллэ, каб. псы сыхуоллэ 'я хочу пить', букв. 'я умираю от жажды', адыг. ыгу рыйыхгъ, каб. йыгу йырыхашъ 'он испу-гался', букв. 'у него взяли, отняли сердце', адыг. ыгу хэч1ыгъ, каб. йыгу хэш1ашъ 'он огорчен', букв. 'его серд-це убавляется, уменьшается', адыг. ыгуыр мэккьутэ, каб. йыгуыр мэккьуытэ 'он сильно огорчен', букв. 'его сердце разбивается'. Приведенные устойчивые словосочетания, как и соотносительные сложные слова /их количество можно уве-личить//, восходят к эпохе общеадыгского языкового единст-ва.

Сочетание основы существительного и основы глагола с соединительным элементом -ры. Этот тип также продуктивен в общеадыгском языке. Ср. адыг., каб. лърыхъ 'сильный, богатый, влиятельный' /ср. адыг., каб. лърэ 'нога', адыг. каб. хъы-н 'нести'//, адыг. гъуэгъуырк1у, каб. гъуэгъуыры-к1уэ 'путник' /ср. адыг. гъуэгъу, каб. гъуэгъу 'путь, доро-га', адыг., каб. к1уэ-н 'идти'//, адыг., каб. бгырыпх 'по-яс, поясной ремень' /ср. адыг., каб. бгы 'поясница, та-лия', адыг., каб. пхэ-н 'завязать, завязывать'//.

Сочетание глагольной основы и именной основы: адыг., каб. хуып1э 'пастбище' /ср. адыг., каб. гъэхуы-н 'пастбище' /ср. адыг., каб. гъэхуы-н 'пасти', адыг., каб. п1э 'место'//, адыг., каб. т1ысып1э 'сидение', 'место для жительства' /ср. адыг., каб. т1ыс-н 'садиться, сесть', адыг., каб. п1э 'место'//, адыг. шхэгъу, каб. шхэгъуэ 'время еды' /ср. адыг., каб. шхэ-н 'есть', адыг., каб. гъуэ 'время', ср. каб. йыгъуэ хуашъ 'настало время'//, адыг. к1уэгъу, каб. к1уэгъуэ 'время ухода, отправления' /ср. адыг., каб. к1уэ-н 'идти', адыг., каб. гъуэ 'время'//.

Сочетание основы существительного и прилагательного: адыг. л1ыжъы, каб. л1ыжъ 'старик' /ср. адыг., каб. л1ы 'мужчина', адыг., каб. жъы 'старик'//, адыг. пхъуыжъы, каб. пхъуыжъ 'вдова, разведенная с мужем женщина' /адыг., каб. жъы 'старый'//, адыг. л1ыблан 'герой, мужественный' /ср. адыг., каб. л1ы 'мужчина', адыг., каб. бланэ 'сильный'//, адыг. шыч1э, каб. шып1э 'жеребенок' /ср. адыг., каб. шы 'лошадь', адыг. ч1э, каб. ш1э 'молодой'//, адыг. гуып1ц1ан, каб. гуып1ц1анэ 'добросердечный, откровенный, добродушный' /ср. адыг., каб. гуы 'сердце', адыг., каб. п1ц1анэ 'голый, нагой'//.

Одним из основных способов образования сложных слов в общеадыгском языке является редупликация. Полная редупликация /повторение основы без каких-либо фонетических и морфологических изменений/ не характерна для праязыкового состояния. Однако неполная /частичная/ редупликация весьма разнообразна по своей форме. Во втором компоненте сложного слова повторяется либо морфологический элемент /аффиксальная или корневая морфема/, либо часть /слог/ первого компонента. Так, к общеадыгским моделям сложных слов, образованных путем неполной редупликации, относятся следующие.

Сочетание двух основ существительных, содержащих возвратно-взаимный префикс: адыг. зэл1-зэшъуэ, каб. зэл1-зэфыз 'муж и жена' /ср. адыг., каб. л1ы 'мужчина', 'муж', адыг. шъуызы, каб. фыз 'женщина', 'жена', зэ- — возвратно-взаимный префикс//, адыг., каб. зэш-зэшпхъу 'брат и сестра' /ср. адыг., каб. шы 'брат', адыг. шыпхъу, каб. шыпхъу

'сестра', зэ — возвратно-взаимный префикс/.

Сочетание двух основ существительных с префиксом отрицания: адыг., каб. мышу-мыбэ 'гермафродит', букв. 'ни самец, ни самка' /адыг., каб. хуу 'самец', адыг., каб. бэ 'самка', мы — префикс отрицания/, адыг. мышуэ-мыл 'барахло', 'взор', букв. 'ни цвет, ни мясо' /ср. адыг. шуэ 'цвет', 'вид', лы 'мясо', мы — префикс отрицания/, каб. мыфэ-мыц 'неприглядный, безобразный' /каб. фэ 'цвет', 'вид', цы 'шерсть', мы — префикс отрицания/.

Сочетание двух глагольных основ с префиксом отрицания: адыг., каб. мылуэ-мыш1 'неуклюжий, неловкий' /ср. адыг. луэ-н 'говорить, сказать', адыг., каб. шы-н 'делать'/. Ср. также: каб. мык1уэ-мытэ 'ленивый, нез энергичный', адыг. мык1уэ-мык1уат 'то, что трудно сбыть с рук', адыг. мыджэ-мып1ц1 'неудавшийся', 'недостаточно заквасившееся /о кислом молоке/'.

Сочетание двух основ числительных с префиксом отрицания: адыг. мызэ-мыт1уэ, каб. мызэ-мыт1э 'неоднократный'.

Как видно, во всех указанных типах сложных слов во втором компоненте повторяется префиксальная морфема. Вторым компонентом сложных слов, образованных в общеадыгскую эпоху, нередко содержит суффиксальную морфему первого компонента. В качестве примера можно привести следующие модели.

Адыг. бээджэ — надж, каб. бэаджэ — наджэ 'плохой' /ср. адыг., каб. бээ 'язык', адыг., каб. нэ 'глаз', -джэ — основообразующая морфема, выражающая отсутствие или недостаток какого-нибудь качества, признака/, адыг., каб. 1эл1ц1э-лъял1ц1э 'плохо, бедно одетый' /ср. адыг., каб. 1э 'рука', адыг., каб. лъяэ 'нога', -п1ц1э — основообразующая морфема, выражающая недостаток чего-то, ср. адыг., каб. лъял1ц1э 'босой'; -п1ц1э ← п1ц1анэ 'голый'/'.

В общеадыгских сложных словах нередко повторяется вторая корневая морфема первого /составного/ компонента. Ср. адыг., каб. пхъэшхъэ — мышхъэ 'фрукты', адыг., каб. пхъэшхъэ ← пхъэ 'дерево' + шхъэ 'голова, верхняя часть', адыг., каб. мышхъэ ← мы 'дикое яблоко' + шхъэ 'голова', 'верхняя часть'//, адыг., каб. ч1апэ — лъяпэ ←

'обрывок, кончик' /адыг., каб. ч1апэ ← ч1э 'конец' + пэ 'начало', адыг., каб. лъапэ ← лъэ 'нога' + пэ 'начало' / и др. Реже общеадыгские сложные слова образуются путем редупликации первой корневой морфемы первого /составного/ компонента сложного слова. Ср. адыг. нэч1э-нашхэ, каб. нэч1э-нашхэ 'подмигивание' /адыг., каб. нач1э 'под глазами', 'внешний угол глаза' ← нэ 'глаз' + ч1э 'конец', каб. нашхэ 'подмигивание' ← нэ 'глаз' + шхэ 'верх' /.

К общеадыгскому языку возводятся также сложные слова, состоящие из двух незначащих элементов с редупликацией конечного согласного или конечного слога первого компонента. Сюда можно отнести такие слова, как адыг. фэмэ-бжымэ, каб. хуэмэ-бжымэ 'нечто подобное', 'наличие какой-то связи' и др. Ср. также сложные слова типа адыг. бы1уэ-бышэ, каб. бы1уэ-бышэ 'кривобокий, уродливый, человек с физическим недостатком' с редупликацией начального слога первого компонента бы-. Этимологический элемент бы-, по-видимому, связан с бы- в адыг. бы-ты 'горбатый'.

Довольно продуктивно в общеадыгском языке создание сложных слов, звуковой состав которых в той или иной мере напоминает обозначаемые ими предметы и явления. Общеадыгские слова этого типа чаще всего состоят из звукоподражательных членов с редупликацией конечного согласного или конечного слога. Ср. адыг. ч1ыккэ-сыккэ, каб. ч1ыкк1-сыкк1 'шум', адыг., каб. ч1ыггэ-сыггэ 'скрип' и др.

Как видно, структурные типы общеадыгских сложных слов многообразны. Среди них к продуктивным относятся типы сложных слов, образованных путем редупликации морфемы, слога или консонантного элемента.

6.3. Суффиксальные имена /существительное и прилагательное/

В общеадыгском языке немногочисленны аффиксы именного словообразования. При этом в общеадыгском, как и в современных адыгских языках, действует суффиксальный способ образования существительных и прилагательных, если не считать

единичных префиксов типа общеадг. эз- /адг., каб. эз-шхэр 'братья' /, нз- /адг. нз-мыч1, каб. нз-мыш1 'другой' /. Суффиксы именного словообразования в подавляющем большинстве случаев малопродуктивны или непродуктивны. Некоторые суффиксальные имена сложились на базе разных моделей сложных слов. Это свидетельствует о том, что суффиксальное словообразование имен еще менее развито в раннеадгском по сравнению с современными адгскими языками.

Общеадг. -гъэ. Образует существительные с отвлеченным значением от именных и масдарных основ. Ср. адг., каб. лыгъэ 'мужество' /адг., каб. лы 'мужчина' /, адг. цы-фыгъ/э /, каб. цыхуыгъэ 'человечность, гуманность' /адг., цыфы, каб. цыху 'человек' /, адг., каб. дэхагъэ 'красота' /адг., каб. дахэ 'красный' /, адг., каб. гъэсэнгъэ 'воспитание' /адг., каб. гъэсэ-н 'воспитать' /, адг., каб. бэнэныгъэ 'борьба' /адг., каб. бэнэ-н 'бороться' /.

Еще Л.Г.Лопатинский /1908/ интуитивно сближал разбираемый суффикс с абхазским /абазинским/ масдарным суф. -рэ, что нашло поддержку в звукосоответствии абх., абаз. р: адг., каб. гъ, выявленном в более поздний период /Ломтаидзе, 1958/.

Слова типа лыгъэ 'мужество', бэнэныгъэ 'борьба', восходящие к общеадгскому единству, по своему строению отличаются от остаточных явлений типа адг., каб. тхыгъэ 'письменность', бзыгъэ 'кусок, ломоть', тыгъэ 'подарок', лыгъэ 'пожар', 'пал', гъэт1ыльыгъэ 'сбережение'. Последние генетически представляют собой общеадгскую перфектную форму причастия с временным окончанием -гъэ. В современных адгских языках разбираемые старые причастные образования функционируют в качестве субстантивов с отвлеченным значением, как и существительные типа лыгъэ 'мужество', дэхагъэ 'красота', бэнэныгъэ 'борьба'. Семантическая связь между субстантивированным причастием и исходным /этимологическим/ значением перфектной формы причастия очевидна. Ср. *тхыгъэ 'написанное' → 'письменность', *бзыгъэ 'отрезанное' → 'кусок', ломоть, *гъэт1ыльыгъэ 'отложенное' → 'сбережение'. Заметим, что старые /общеадгские/ причастные

формы до сих пор сохраняются в адыгейском языке, т.е. они фонетически и морфологически совпадают с субстантивированными словами. Ср. адыг. тхыгъэ 1/ 'написанное', 2/ 'письменность', 'письмо', хъэджыгъэ 1/ 'смолоченное', 2/ 'мука', гычыгъэ 1/ 'постиранное' /субстантив/, 2/ 'постиранное' /причастие/.

Представляется малоубедительным утверждение, что отсутствие в отдельных случаях семантической связи между субстантивом и причастной формой /каб. йыгъэ 'краска для материи' /свидетельствует об этимологической невыводимости слов типа тхыгъэ 'письменность', бзыгъэ 'кусок, ломоть', гъэтылыгъэ 'сбережение, накопление, запас' из старых причастных форм тхыгъэ 'написанное', бзыгъэ 'отрезанное', гъэтылыгъэ 'отложенное' /Шагиров, 1977, А-Н, 78/. Слово йыгъэ 'краска для материи' возникло на кабардинской почве и мотивировано не старым /общеадыгским/ перфектным причастием, а глаголом йыгъэн 'красить', что вполне допустимо при образовании слов по аналогии.

Что касается суф. -гъ в словах типа адыг., каб. лъэ-гъагъ 'высота', чыыхъагъ 'длина' /ср. адыг., каб. лъагъэ 'высокий', адыг. чыыхъэ, каб. чыыхъ 'длинный' /, то в подобных образованиях имеют место отпадение конечного гласного э в суф. -гъэ и переход гласного э в мотивирующей основе в гласный а в позиции перед гъ: *лъага-гъэ → лъэ-гъа-гъ 'высота'. Ср. адыг. сыкыуэ-гъэ → сыкыуагъ 'я ходил', *сытхэ-гъэ → сытха-гъ 'я писал', Переход ы → а в мотивирующей основе в позиции перед тем же заднеязычным спيرانтом гъ /*йыны-гъэ → йына-гъ 'величина' /, по-видимому, объясняется действием аналогии, т.е. стремлением к распространению модели лъэгагъ 'высота' на образования с производящей основой на конечный гласный ы. Заметим, что и в этой семантической группе в ряде случаев сохраняется общеадыгская огласовка рассматриваемого суффикса. Ср. адыг. пльыжы-гъ/э/, каб. пльыжы-гъэ 'краснота', фэба-гъ/э/, каб. хуэба-гъэ 'теплота'.

Общеадыг. -гъы. Выражает локативную функцию: общеадыг. пцэпхъэ-гъы → адыг., каб. пцэпхъагъ 'изголовье', общеадыг. шхъэ-гъы → адыг. шхъа-гъы, 'над /головой/', обще-

адыг. ч1ьэ-гъы → адыг. ч1ьэ-гъы, шапс. ч1о-гъу, каб. ш1а-гъ 'под', общеадыг. кьуэ-гъы → адыг. кьуэ-гъу, каб. кь1уа-гъ 'угол'.

Семантически общеадыг. -гъы неотделимо от убыхского суф. -гъа. Ср. убых. гъакъафа-гъа 'возле, рядом', гъачшаджа-чъа 'за, позади', гъач1ьафа-гъа 'впереди', гъа-ц1а-гъа 'внутри', гъабац1а-гъа 'под', гъабгъъа-гъа 'на, над, поверх', ала-гъа ак1ьакъ1а '/он/ ушел в армию', ала-гъуына-гъа айджък1а '/он/ зашел в комнату для молодежи' /Dumézil, 1932, 71-74/. Не может быть принято сближение А.Койперсом разбираемого суффикса с суффиксом абстрактного значения -гъэ: л1ы-гъэ 'мужество' / Kuipers, 1960, 77/.

Общеадыг. -к1э. Образует от глагольных основ имена существительные со значением способа действия. Суффикс имеет фонетические варианты: шапс. -к1ьэ, бжедуг., темирг. -ч1э, абадз. -1ьэ, каб. -к1ьэ, -ч1э. Ср. шапс. к1уа-к1ьэ, бжедуг., темирг. к1уа-ч1э, абадз. к1уа-1ьэ, к1уа-ч1э, каб. к1уэ-к1ьэ, к1уэ-ч1э 'походка' /← к1уэ- 'идти'/ . Переход э → а в основе мотивирующего глагола — адыгейское новообразование: *к1уэ-к1э → к1уа-к1ьэ → к1уа-ч1э походка, *банэ-к1э → бэна-к1ьэ → бэна-ч1э 'способ борьбы'.

Общеадыг. -йэ. Используется для образования разных семантических групп — топонимов, названий деревьев, национальной одежды. Общеадыгская форма суффикса /хотя и не во всех случаях/ сохраняется в адыгейских названиях деревьев. Ср. адыг. дайэ, каб. дэй /дей/ 'орешник' /адыг., каб. дэ 'орех'/, адыг. мыйэ 'яблоня', каб. мей 'дикая яблоня' /адыг., каб. мы 'дикое яблоко'/, адыг. зайэ, каб. зей 'кизил' /дерево/, ср. адыг., каб. зэ 'кизил' /ягода/. Переход э → а в положении перед словообразовательным суф. -йэ — адыгейское новообразование. В географических названиях огласовка общеадыгского суффикса, как правило, не сохраняется. Ср. адыг. Ккьэбэртай, каб. Кь1эбэрдей 'Кабарда', адыг. Уырысый, каб. Уырысей 'Россия', адыг. Бэслъыный, каб. Беслъэней 'Бесланей', 'край бесланеевцев', адыг. Тэхътэмы-ккьуаи 'Тахтамукай' /село/, каб. Джылахъстыней 'Малая Ка-

барда'. Ср. также названия национальной одежды: адыг. цый, каб. цей 'черкеска' /адыг., каб. цы 'шерсть' /, адыг. лбай, каб. лбей 'гамаша' /адыг., каб. лэ 'нога' /.

Общеадыгский словообразовательный суф. -йэ восходит к посессивному суффиксу 3-го лица. Последний функционирует в современных адыгских языках в виде йы- 'его'. Основное значение посессивного префикса — "принадлежащий чему — кому-либо" вычленяется в производных существительных, включающих словообразовательный суф. -й/э/. Ср. адыг. Бэ-слыный, каб. Беслэней 'Бесланей, 'край бесланеевцев', букв. "принадлежащий бесланеевцам", адыг. Уырысый, каб. Уырысей 'Россия', букв. 'принадлежащий русским', адыг. зэрыджай, каб. зэрыджей 'калина' /дерево/, букв. 'принадлежащий калине' /плоду/.

Существует другое мнение о генезисе разбираемого суффикса. Х.Ш.Урусов считает, что адыг. -йэ, каб. -й восходят к корню йы- 'его' /Урусов, 1980, 234/. Как и Т.М.Борукаев, Х.Ш.Урусов стоит на точке зрения, согласно которой посессивный преф. йы- по происхождению является глагольным корнем. Мы исходим из той посылки, что формы типа йэ-йы-н 'принадлежать ему', йы-м-ей 'не его' восходят к местоименной основе.

Общеадыг. -гъуы. От именных и реже глагольных основ производят имена существительные, обозначающие соучастника, лица, близкого по занятию, деятельности, условиям жизни и т.д. В современных адыгских языках общеадыг. гъуы сохраняется без конечного гласного. Ср. адыг. мэ-хъульэгъу, каб. мэлъхъэгъу 'свояк' /адыг. махъульэ, каб. малъхэ 'зять' /, адыг., каб. гъуынагъу 'сосед' /адыг., каб. гъуынэ 'край, граница' /, адыг. ныбджэгъу, каб. ныбжэгъу 'товарищ' /адыг. ныбж, каб. ныбж 'возраст' /, каб. шхэгъу 'однокашник' /шхэ-н 'есть, кушать' /, адыг. ккъуэдджэгъу, каб. ккыуэжэгъу 'односельчанин, земляк' /адыг. ккъуаджэ, каб. ккыуажэ 'село' /.

Общеадыг. -гъуы имеет общее происхождение с элементом гъуы- в общеадыгской именной основе гъуысэ 'спутник, со-общник, единомышленник'. Ср. абх. а-џуыза 'спутник, товарищ', абаз. г1уза 'спутник, напарник', убых. уышэ 'то-

варищ, сверстник'. Сюда же следует отнести гъуы- в общеадыгской основе гъуынэ 'край, окраина, граница'. Так что в слове гъуынэгъу 'сосед' препозитивный гъуы- и постпозитивный -гъу ← *гъуы обнаруживают генетическое тождество. Заслуживает внимания предположение А. Койперса о генетической связи суф. -гъу и элемента гъуы- в основах гъуысэ 'спутник', гъуынэ 'граница, край' с гъуы в слове бгъуы 'бок, край' / Kuipers, 1960, 72/.

Общеадыг. -кӀуэ. Слова с -кӀуэ называют лицо, производящее действие по мотивирующей основе: адыг. шакӀуэ, каб. шӕкӀуэ 'охотник' / адыг. Ӏэ-шэ-н, каб. Ӏэ-шӕ-н 'охотиться' /, адыг., каб. уысакӀуэ 'сочинитель, поэт' / адыг., каб. уысэ-н 'сочинять' /, адыг. джэгукӀу, каб. джэгукӀуэ 'тегуако', 'народный певец', 'бард' / адыг., каб. джэгукы-н 'играть' /, адыг., каб. гъэсакӀуэ 'воспитатель, учитель' / адыг., каб. гъэсэ-н 'учить, воспитать' /, Ср. также от именных основ типа каб. гуакӀуэ 'приятный' / адыг., каб. гуы 'сердце' /, адыг., каб. лӀыкӀуэ 'посредник' / адыг., каб. лӀы 'мужчина' /.

Восходит к корню глагола кӀуэ-н 'идти'.

Общеадыг. -лъэ. Образует названия вместилищ: адыг. шӕальэ 'ведро' / шӕ 'молоко' /, каб. фальэ 'чаша, сосуд для питья' / Ӏэ-фэ-н 'пить' /, адыг. шыгъуыль, каб. шыгъуыльэ 'солонка' / адыг. шыгъуы, каб. шыгъу 'соль' /. Слова с -лъ/э/ имеют также значение излишнего качества чего-н.: адыг., каб. мэзыльэ 'лесистый' / адыг. мэзы, каб. мэз 'лес' /, адыг. уыцыльэ, каб. уыдзыльэ 'травянистый' / адыг. уыцы, каб. уыдэ 'трава' /.

Едва ли правомерно возводить -лъэ непосредственно к корню глагола адыг. шы-лты-н, каб. шы-лты-н 'лежать' / Урусов, 1980, 236/. Суф. -лъэ сложился на базе общеадыгской именной основы лъэ 'место' / ← "нога" /. Сами же производные слова с -лъэ восходят к моделям 'имя + имя', 'глагол + имя'. Общеадыг. -лъэ не утрачивает семантической связи с общеадыгской основой лъэ 'место'. Ср., например, адыг. псэуаль, каб. псэуальэ 'хозяйственные постройки' ← 'место живого', псылъэ 'водянистый' ← 'место воды'.

Общеадыг. -пкы → -пкьэ. Образует слова типа адыг. куэ-ццпккьэ, каб. гуэдзыпккьэ 'поле, где пшеница убрана' адыг., куэцы, каб. гуэдэ 'пшеница' /, адыг. мэшыпккьэ, каб. мэшыпккьэ 'поле, где жито, убрано просо'.

Восходит к общеадыгской именной основе пкы 'корпус, остов, тело'. Переход ы → э /пкы → -пкьэ/ мог иметь место еще в общеадыгском, о чем свидетельствует наличие огласовки э в суффиксе во всех современных адыгских диалектах.

Общеадыг. -шы. С его помощью образуются названия помещений и вместилищ. Конечный гласный суф. -шы отпадает в современных адыгских языках и диалектах, а в кабардинском имеет место переход шь → шъ. Ср. хьачлэшъ 'гостиная' /адыг. хьачлэ, каб. хьэшлэ 'гость' /, адыг. шкчлэшъ, каб. шчлэшъ 'телятник' /адыг. шклэ, каб. шчлэ 'теленки'/. Конечный гласный производящей основы переходит в гласный э в положении перед словообразовательным суффиксом. Ср. адыг. шэшъ, каб. шэшъ 'конюшня' /адыг., каб. шы 'лошадь' /, адыг. куэшъ, каб. гуэшъ 'сарай, навес' /адыг. куы, каб. гуы 'арба'/. Ср., однако, адыг. тышъ, каб. дрышъ 'родня жены' /адыг. ты, каб. адэ 'отец'/. Разбираемый словообразовательный суффикс представлен в слове члэшъ /адыг./, члэшъ /каб./ 'кузница', производящая основа которой не встречается в самостоятельном употреблении в адыгских языках. Ср., однако, убых. кльы- 'ковать'.

Общеадыг. -мэ. Встречается в единичных словах: адыг., каб. уымэ 'большой деревянный молот' /ср. адыг., каб. уэ-н 'бить, ударять' /, адыг. лэмэ-псым, каб. лэмэ-псымэ 'инструмент'. Ср. убых. -ма в кльама 'молот, молоток', гьашъама 'орудие для резания, для рытья'. Малоубедительно сближение -мэ с абх. а-маа, абаз. мгла 'ручка, рукоятка' /Абдоков, 1973, 59/.

Общеадыг. -дэ. Вскрывается в нескольких словах: ладэ, каб. ладэ 'щипцы', каб. уадэ, адыг. уатэ 'молот', каб. фадэ, адыг. шъуатэ 'хмельной напиток'. Этот же суффикс представлен в убыхском в виде -дуа; ср. убых. дзуадуа 'напиток' /дзуа- 'пить' /, дуьдуа 'вещь для щитья' /дуь-

'шить'/. Сюда же относит Г.Фогт -дуа в убых. чыцзадуа 'резьба, лепка, лепной орнамент' /Vogt, 1963, 107/.

Общеадыг. -уы. Входит в состав адыг., каб. псэу 'живой' /адыг., каб. псэ 'душа, жизнь'/, адыг. пккьэу, каб. пкькьэу 'столб, бревно, стойка' /адыг., пкьы, каб. пкькьын 'корпус, остов, скелет, костяк'/, адыг., каб. чэу 'плетень, ограда из плетня' /адыг., каб. чы 'прут'/, каб. бжьэу 'лось' /бжьэ 'рог'/. Едва ли возможно сближение -уы с корнем глагола адыг. ккь-и-уы-н, каб. кьи-уы-н 'вылиться, разлиться /о реке/' /Шагиров, 1977, А-Н, 89/.

Общеадыг. -бы. Суффикс представлен в единичных словах: адыг. куы-р-бы, каб. куы-м-б 'укаб, впадина, яма' /куы 'середина'/, адыг. гъуы-р-бы, каб. гъуы-м-б 'норка, нора' /гъуэ 'место, нора, берлога'/, каб. лъэ-м-б 'след ноги, углубление' /лъэ 'нога'/. Согласные р, м — наращение. Общеадыг. -бы восходит к адыг. бы 'дыра, нора, берлога'.

Общеадыг. -тэ. Встречается в словах: адыг. лат/э/, каб. лэ-тэ 'стог, куча, грудa', каб. лэмба-тэ 'куча сена, соломы, копна', адыг. шъхьа-н-тэ, шапс. шъхьа-т, каб. шъхьэ-н-тэ 'подушка'. Ср. лэтэ ← лэты-н 'поднимать вверх'. Не исключена связь с разбираемым суффиксом морфемы -тэ в адыг. шъа-тэ, каб. ша-тэ 'сметана', каб. шхуыпцла-тэ 'закваска для молока', адыг., каб. чы-тэ 'солод', каб. пшъа-тэ 'дубильный раствор'.

Общеадыг. -тэ генетически сближается с локальным превербом т-, указывающим на поверхность предмета /Кумахов, 1964, 125/.

Общеадыг. -хуэ. Общеадыгская форма сохранилась в кабардинском языке: каб. -хуэ → адыг. -фэ → -ф. Отглагольные существительные с данным суффиксом обозначают остаток от чего-либо, часть чего-либо. Ср. каб. уыпсахуэ, адыг. уыпсаф 'стружка' /адыг., каб. уыпсы-н 'строгать'/, каб. бзыхьэхуэ, адыг. бзыхьаф 'лоскут' /адыг., каб. бзы-н 'кроить'/, каб. шхахуэ, адыг. шхафэ 'объедки' /адыг., каб. шкы-н 'есть, кушать'/. Происхождение общеадыг. -хуэ остается неясным. Сближение -хуэ с глагольной основой хуэ- /каб./, фэ- /адыг./ 'падать' /Шагиров, 1977, П-1, 383/

малоубедительно. Ср. функциональный эквивалент -хъа /-хъя/ в абхазском и абазинском: абх. а-цуыныхъа, абаз. чуыныхъа, цуыныхъа 'объедки', абх. а-пычъхъа 'обломки', абаз. ддза-хъя 'лоскут'.

Общеадыг. -рэ. С помощью этого суффикса образуются относительные прилагательные от основ наречий. Общеадыгская форма представлена в адыгейском языке, а в кабардинском исходный вариант -рэ осложнен вторым суффиксальным морфом -й, восходящим к посессивному -йэ: каб. -рей ← -рэй ← *-рэйэ. Ср. адыг. адрэ, каб. адрей 'другой' /адыг., каб. адэ 'там'/, адыг. непэрэ, каб. нобэрэй 'сегодняшний' /адыг. непэ, каб. нобэ 'сегодня'/, адыг. джырэ, каб. йнджырей 'теперешний' /адыг. джы, каб. йнджы 'теперь'/. Ср. также производные прилагательные от префиксальных /посессивных/ форм имен: адыг. йыжырэ, каб. йыжырей 'старый', 'прежний', адыг. ауыжырэ, каб. йауыжырей 'последний' и др.

Общеадыг. -рэ генетически невозможно отделить от форманта им. падежа -р/э/ /Рогава, 1956, 102-109/.

Общеадыг. -лэ. От именных основ посредством суф. -лэ образуются слова со значением 'склонный к чему-либо, к какому-нибудь действию или состоянию'. Ср. адыг., каб. уызылэ 'болезненный' /адыг. уызы, каб. уыэ 'болезнь'/, адыг. уэшьхыл /← уэшьхылэ/, каб. уэшхылэ 'дождливый' /адыг. уэшьхы, каб. уэшх 'дождь'/.

Семантически общеадыг. -лэ сближается с абхазско-абазинским суффиксом многократности действия -л/а/. Ср. абх. дцал1 'он ходил', дцалон 'он неоднократно ходил'. Заметим, что суф. -ла в абхазско-абазинских диалектах имеет также значение дуративности, что еще больше объединяет его с общеадыг. -лэ. Ср. бзыб. цалап1 амыр шаандэа 'будем /продолжать/ идти, пока солнце не достигло зенита' /Авидзба, 1968, 15/.

Общеадыг. -рэйэ. Синонимичен общеадыг. суф. -лэ. Составит из суффиксов -рэ + -йэ: адыг. гуышы1эрей, каб. гуышы1эрей /← *гуышыкы1эрейэ/ 'говорливый, разговорчивый'. Ср. каб. жейырей 'сонливый'.

Общеадыг. -рэлэ. Синонимичен общеадыг. суф. -лэ, -рэйэ; состоит из -рэ + -лэ: адыг. гуыбжырыл, каб. гуыбжырилэ / ← ^хгуыбжырэлэ / 'гневный, склонный к гневу', адыг. сымэджэрыл, каб. сымэджэрилэ / ← ^хсымэджэрэлэ / 'болезненный'. Ср. каб. хъуэпсэрилэ 'завистливый'.

Общеадыг. -рэнэ. Синонимичен суф. -лэ, -рэйэ, -рылэ; состоит из -рэ + -нэ: адыг. гырыл, каб. гырылэ / ← ^хгырэ-нэ / 'плакса, плаксивый'.

Тот факт, что сложные и непродуктивные суф. -рэйэ, -рэлэ, -рэнэ вычлениаются в одних и тех же общеадыгских лексемах, дает основания отнести их к общеадыгскому языку /хотя и нельзя считать их продуктом раннего периода общеадыгского единства/.

Общеадыг. -хы. По семантике примыкает к рассмотренным выше суффиксам со значением 'склонный к чему-либо'. В кабардинском общеадыгский суф. -хы представлен без огласовки, а в адыгейском в сочетании с эпентетическим губным п. Ср. каб. уычытэх, адыг. уычытапх 'застенчивый' /каб. адыг. уычытэ-н 'стыдиться, стесняться'/, каб. шыгыуыпшэх, адыг. шыгыуыпшапх 'забычивый' /каб. шыгыуыпшэ-н, адыг. шыгыуыпшэ-н 'забыть'/, каб. пышпэх 'зябкий' /каб. пышпэ-н 'мерзнуть'/, пэшьэщэх 'хлопотливый, суетливый' /каб. пэшьэщэ-н 'возиться, копошиться'/. По происхождению общеадыг. -хы, может быть, связано с основой хы-. Ср. адыг., каб. йэ-хы-н 'опускаться вниз', адыг. ы-хэ 'его низ, нижняя часть'. Для семантики ср. рус. 'склон' и 'склонный к чему-либо'.

Реконструкция -хы вместо -пхы поддерживается не только семантикой, но и общей тенденцией к развитию губного п в положении перед согласными. Ср. куб.-зеленч. хафэ → каб. лит. пхафэ 'жнивье' /каб. хэ-н 'жать, косить'/, каб. лит. льашьхэ → куб.-зеленч. льашьхэ 'голенце' /Багов, 1968, 56/, адыг. пицыуыс → каб. пицыуыпс 'лжец'.

Сближение анализируемого суффикса с основой глагола пхы-н 'связывать' /Шагиров, 1977, А-Н, 116/, на наш взгляд, неприемлемо.

Общеадыг. -чэз. Продуктивный суффикс со значением 'ли-

шенный, не имеющий кого- чего-нибудь'. В адыгских языках представлены фонетические варианты -чъ, -чэ, -ч, -шэ, -ш. Ср. темирг. уызынчъ, абадз. уызынчъ, уызынш, уызыншэ, шапс. уызынч, каб. уызынчэ, уызыншэ 'здоровый', букв. 'без болезни' /адыг. уызы, каб. уыз 'болезнь'/, темирг. ккъарууынчъ, абадз. ккъарууынчъ, ккъарууынш, ккъарууыншэ, каб. ккъарууынчэ, ккъарууыншэ 'слабый', букв. 'без силы' /адыг. ккъаруу, каб. ккъаруу 'сила'/. Как видно, привативный суффикс осложняется эпентетическим сонантом н.

А.Койперс /а вслед за ним и другие лингвисты/ считает, что аффриката чъ в привативном суффиксе, как и в слове ланчъэ 'клен', является позиционным, т.е. возникла в результате аффрикатизации спиранта щ в положении перед сонантом н / Kuipers, 1963, 77/. С мнением А.Койперса трудно согласиться, поскольку разбираемый суффикс с аффрикатой чъ встречается без вставного н. Ср. бжедуг. гуыч1эгъуычъ 'безжалостный' /гуыч1эгъуы 'жалость'/, шэнычъ 'безхарактерный' /шэны 'характер'/ и др. Ср. также бжедуг. лачъэ → темирг. ланчъэ, бжедуг. лачъэ → шапс. лачэ 'клен'. Эпентеза /сонант н в положении перед шипящей аффрикатой/ — диалектная инновация, получившая распространение в адыгских языках. Ср. бжедуг. лъэгуаджъ → темирг. лъэгуанджъ 'колени', бжедуг. шэджъ → темирг. шэнджъ 'стог', бжедуг. джэчы → темирг. джэнчы 'фаcоль' и др. В подобных случаях /их довольно много/ бжедугский диалект сохраняет общеадыгскую форму /продолжает общеадыгское состояние/, что и делает неприемлемым положение о позиционном характере чъ в -чъэ /Кумахов, 1981, 176/. Ср. тот же суффикс в убых. к1уача-чъы 'без хвоста', па1ақъ1а-чъы 'без гордости'.

Общеадыг. -хэ. По семантике сближается с общеадыгским привативным суф. -чъэ. В отличие от последнего общеадыг. -хэ малопродуктивен. Ср. адыг., мэзахэ, каб. мэзэхэ 'безлунная ночь, темнота' /адыг., каб. мазэ 'луна'/, адыг., каб. гуыхэ 'слабый, слабосердечный' /адыг., каб. гуы 'сердце'/, каб. ккъарууыхэ 'слабый, немощный' /каб. ккъа-руу 'сила, мощь'/. Происхождение общеадыг. -хэ остается

неясным. Сближение -хэ с основой -х/э/ 'низ' в адыг. ы-х 'его низ' /Шаги́ров, 1977, А-Н, 120/ малоубедительно.

Общеадыг. -гэ. Имеет привативное значение; в современных адыгских языках представлены фонетические варианты -гьэ, -гь, -джэ, -дж, закономерно восходящие к общеадыг. -гэ. Ср. адыг., каб. бэаджэ 'злой, хитрый' /адыг., каб. бээ 'язык' /, адыг. теплъадж, каб. теплъэджэ 'уродливый' /адыг., каб. теплъэ 'вид, внешность'/. Привативный суф. -дж/э/, -гь/э/ в адыгских языках выражает также отсутствие или недостаток какого-нибудь качества. Ср. адыг. к1уэ-ч1ъадж, каб. гуэш1аджэ 'беспомощный, бессильный' /адыг. к1уач1ъэ, каб. гуаш1э 'сила' /, каб. лъаджэ 'короткий' /лъэ 'нога' /, цыджэ 'безволосый' /цы 'волос, шерсть' /.

Общеадыг. -гэ восходит к более ранним хронологическим уровням, чем уровень общеадыгского языкового единства. Его можно отнести к древним аффиксальным морфемам, входящим в общий материальный фонд западнокавказских языков. Ср. убых. шагъа 'тупой, глупый', мысагъа 'зловоние', абх. а-хъага, абаз. къага 'сумасшедший', абаз. лага 'глупец', лагара 'глупость'. Общеадыг. -гэ и его соответствия в других абхазско-адыгских языках генетически связаны с самостоятельной основой гъа, агъа 'дурной, плохой, злой' в убыхском языке /Рогава, 1942/. Ср. также абх. а-га 'глупый'. Г.В.Рогава считает, что рассматриваемый абхазско-адыгский привативный суффикс проник в мегрельский. Ср. мегр. тvingа 'глупец, дурень', 'ungа 'глухой', bugа 'невежда' /Там же/.

Общеадыг. -гуэ. По значению близок к общеадыг. -чъэ: отсутствие или наличие в недостаточной степени того, что обозначается производящей основой. Общеадыгская форма представлена в кабардинском языке, а в адыгейском – варианты -куэ /темирг., абадз./, -ккуэ /бжедуг., шапс./. Ср. каб. бзагуэ, темирг., абадз. бзакуэ, бжедуг., шапс. бзаккуэ 'немой, глухонемой' /каб., адыг. бзэ 'язык, речь' /, каб. дзагуэ, темирг., абадз. цакуэ, бжедуг., шапс. цаккуэ 'тупой, неострый' /каб. дзэ, темирг., абадз. цэ, бжедуг., шапс. ццэ 'зуб, лезвие'/. Разбираемый суффикс включают

адыг. дэгуы, каб. дэгу 'глухой', шапс. дагуэ 'короткие уши у животных'. Ср. также абх. а-к1уагу 'короткий', а-к1ьат1агу 'кушый', абаз. кьагуа 'тупой, тупоносый, короткий'. Нет достаточных оснований считать усвоенным из адыгских языков абх. а-цуагу, абаз. цагуа 'тупой' /Шагиров, 1977, А-Н, 163/. Представляется приемлемым сближение данного суффикса с убых. гуы 'маленький, короткий' /Климов, Шагиров, 1959, 267/.

Общеадыг. -ч1ы. По семантике сближается с общеадыг. -чээ, -гуэ, -гэ. Ср. адыг. нэ-ч1ы, каб. нэ-ш1 'пустой, порожний' /← нэ 'глаз, отверстие'/, адыг. ч1э-ч1ы, каб. ч1э-ш1 'короткий' /← ч1э 'хвост, конец'/ . Непродуктивный суф. -ч1ы связывают с общеадыгским корнем -ч1ы: адыг. хэ-ч1ы-н, каб. хэ-ш1ы-н 'убавиться, уменьшиться' /Урусов, 1980, 245/. Ср. убых. -ч1а в уы-ч1а 'пустой'. Семантически допустимо сближение суф. -ч1ы с -ч1э в адыг. ма-ч1э → каб. ма-ш1э 'малый, мало'.

Общеадыг. -йэ. От именных основ с помощью -йэ образуются слова с отрицательным значением. Ср. адыг. жайэ, каб. жъей 'грубый, злоязычный' /адыг. жэ, каб. жъэ 'рот, язык'/, адыг., каб. уайэ 'буря, плохая погода' /адыг. уэ 'небо, воздушное пространство'/, адыг. гумйэ 'злонравный' /гуы 'сердце'/, каб. файэ 'бесцветный, бледный, неяркий' /фэ 'цвет, вид'/, гъуынэгъуей 'злой, вредный сосед' гъуынэгъу 'сосед'/ . Этот же суффикс включают слова типа адыг. ш1ыч1ай, каб. ш1ыч1ей 'невоспитанный, бестактный' /адыг., каб. ш1ыч1э 'поведение, манера'/, адыг. джэгуыч1ай, каб. джэгуыч1ей 'плохой способ игры' /адыг., каб. джэгуыч1э 'способ, манера игры'/ . Производящие основы этих слов образованы посредством общеадыгского суф. -ч1э.

Разбираемый суффикс имеет также значение чрезмерности и избыточности признака. Ср. адыг. йэшъуэгъай, черк. йэфэгъай 'совершенно пьяный' /адыг. йэшъуэ-н, каб. йэфэ-н 'пить'/, адыг. гуыбжыгъай, черк. гуыбжыгъей 'очень сердитый, гневный' /адыг. гуыбжы-н, каб. гуыбжы-н 'сердиться'/ . Производящие основы этого типа, по-видимому, представляют собой причастия со старым /общеадыгским/ перфек-

тным суф. -гъэ. Ср. также адыг. бзэджай, каб. бзэджей 'чрезмерно хитрый, вредный' /адыг., каб. бзаджэ 'хитрый, злой'/, каб. майэ 'очень жирный' /мэ 'запах'/. Значение чрезмерности и избыточности признака восходит к привативной, отрицательной функции.

Общеадыг. -йэ возводится к именной основе йэ 'зло, вред, плохое'. Ср. каб. йэ пшлауэ фы ушымыгуыгъ 'Совершив зло, не жди добра' /посл./.

Общеадыг. -блэ. Имеет отрицательное значение; встречается в единичных словах. Ср. адыг., каб. гъаблэ 'голод, неурожай' /адыг., каб. гъэ 'год'/, каб. ныбаблэ 'обжора, ненасытный' /ныбэ 'живот'/, былымаблэ 'стяжатель, жадный' /былым 'скот, богатство'/. По-видимому, -блэ генетически неотделимо от абх. а-мла, абаз. мла 'голод' /Рогава, 1958, 616/. Семантически -блэ сближается с корневой морфемой адыг., каб. блэ-н, абх. абыл-ра, абаз. был-ра 'гореть'. Для семантики ср. каб. кыле-гъэ-блы-н 'увеличивать' /Кумахов, 1964, 132/.

Общеадыг. -чэ. Общеадыгская форма суффикса представлена в шапсугских и отчасти бесланевских говорах. В других диалектах и говорах, а также в адыгских литературных языках аффриката ч дает шипящий спираント. Общеадыг, -чэ имеет значение 'кривой, изогнутый, косой'. Ср. шапс. лъачэ, адыг. лит. лъашъэ, каб. лит. лъашэ 'хромой' /адыг., каб. лъэ 'нога'/, шапс. начэ, адыг. лит. нашъэ, каб. нашэ 'косоглазый' /адыг., каб. нэ 'глаз'/, шапс. шъхъэчэ, адыг. лит. шъхъашъэ, каб. лит. шъхъэшэ 'кривошей, кривоголовый' /адыг., каб. шъхъэ 'голова'//.

Общеадыг. -чэ, надо полагать, восходит к глагольной основе чэ-н /шапс., бесл./, шъэ-н /адыг. лит./, шэ-н /каб. лит./ 'вести, направлять, двигать'. Ср. глагол, образованный от этой основы: адыг. лит. ккъэ-шъы-н, каб. лит. кызэ-шы-н 'гнуться, сгибаться, согнуться'. Ср. также адыг. шъхъашъэ, каб. шъхъэшэ 'поклон', букв. 'сгибание головы'.

Общеадыг. -кы́уэ. Выступает синонимом общеадыг, -чэ. В адыгских языках представлен также фонетический вариант -лу/э/; каб. шыбыкы́уэ 'горбатый, сутулый' /шы́б 'спина'//,

адыг. тхыбылу 'горбатый' /тхы 'поясница'/. Тип непродуктивный. Общеадыг. -кылуэ по происхождению, может быть, связано с адыг. ккыуэ, каб. кылуэ в адыг. ныккыуэ, каб. ныкыуэ 'половина'.

Общеадыг. -зэ. По значению сближается с общеадыг. -чэ: адыг., каб. назэ 'косоглазый' /адыг., каб. нэ 'глаз'/, каб. шъхъзэ 'вертячка, болезнь овец' /шъхъэ 'голова'/, луызэ 'кривой, узкий' /луы 'рот, передняя часть'/. Тип непродуктивный. Суф. -зэ семантически неотделим от глагольной основы зэ-: ср. адыг., каб. гъэ-зэ-н 'повер-, нуть, свернуть' /гъэ- каузативный префикс/.

Общеадыг. -н/нгы. В основы имен вносит значение 'кривой, косой'. Сонант н- фонетическое наращение. Вместо -гы в адыгских языках представлены варианты -гъ, -дж: адыг. бгъуындж, каб. бгъуынгъ, бгъуындж 'наклонный, косой' /адыг., каб. бгъуы 'бок'/, каб. пхэнгъ, пхэндж 'кривой, перекошенный, косой' /пхэ 'зад, задняя часть'/. Тип непродуктивный. Происхождение неясно. Ср., однако, с джэ-, гъэ- /←^{*}гэ-/ в основе глагола джэлэ-н, гъэлэ-н 'падать, упасть'.

Общеадыг. -жыйэ. Суффикс уменьшительности -жыйэ встречается в вариантах: жый /адыг./, -жъей /каб./. Ср. адыг. чэтжый, каб. джэджъей 'цыпленок' /адыг. чэты, каб. джэд 'курица'/, адыг. шъэуэжый 'мальчик' /шъауэ 'сын'/, пшъэ-шъэжый 'девочка' /пшъашъэ 'девушка'/, дэжый 'орешек, фундук' /дэ 'орех'/. Этот же суффикс включают адыг. пцэ-жый, каб. бдзэжъей 'рыба' /ср. каб. бдзэ 'крупная рыба'/, адыг. шъэжый 'нож' /ср. каб. сэ 'нож'/.

Общеадыг. -жыйэ, по-видимому, состоит из двух частей /жы + йэ/, хотя для объяснения их генезиса пока нет опоры на данные ни внутренней, ни внешней реконструкции.

Общеадыг. -шхуэ. Суффикс увеличительности -шхуэ имеет фонетические варианты: -шккуэ в бжедугском диалекте, -фуэ в шапсугском диалекте. Ср. адыг. лит., каб. дэшхуэ 'грецкий орех' /адыг., каб. дэ 'орех'/, адыг. лит., каб. сэшхуэ 'сабля' /ср. каб. сэ 'нож'/, каб. адэшхуэ 'дедушка' /адэ 'отец'/, анэшхуэ 'бабушка' /анэ 'мать'/.

Ж.Дюмезиль сближает суф. -шхуэ с убых. шхуа 'сильный', 'крепкий, значительный' /Dumezil, 1932, 95/, что представляется вполне возможным с семантической точки зрения.

Общеадг. -хъуы. Имеет значение увеличительности или отрицательного признака. Ср. адг., каб. пэхъу 'широконосый' /адг., каб. пэ 'нос'/, адг. жэхъу, каб. жэхъу 'языкастый' /адг. жэ, каб. жэ 'язык, рот'/, каб. нэхъу 'человек с большими глазами' /нэ 'глаз'/. Тип непродуктивный. Думается, что общеадг. -хъуы неотделимо от -хъу в общеадгской основе быхъу 'широкий'. Сближение суф. -хъу со словом хъуы 'самец' /Шагиров, 1977, А-Н, 104/ представляется сомнительным.

Общеадг. -цэ. Имеет отрицательное значение: адг. ныбац, 'обжора' /ныбэ 'живот'/, каб. бзэгугу-цэ 'болтун, сплетник' /бзэгугу 'язык'/, адг. тхьацэ 'скупой'. Судя по семантике, восходит к цы 'волос, шерсть'. Переход цы → цэ → ц 'волос, шерсть' закономерен: *нат1э-цы → каб. нат1а-цэ → адг. нат1а-ц 'заросший волосами лоб' /← нат1э 'лоб'//.

Общеадг. -кхэ. Вносит в глагол значение увеличительности: адг. ныбэккхэ, каб. ныбэкх1 'пузатый' /адг., каб. ныбэ 'живот'/, адг. паккхэ, каб. пакх1э 'тупоносый, курносый' /адг. пэ 'нос'/, каб. дзэмыкх1 'зубастый' /дзэ 'зуб'/, пэш1экх1 'усатый' /паш1э 'усы'/. Семантически сближается с адг. ккхы-н, каб. кх1ы-н 'обнажать, оскалить' /Урусов, 1980, 243/.

Общеадг. -т1э. Имеет увеличительное значение; встречается в единичных словах. Ср. адг., каб. бгъат1э 'широкогрудый' /адг., каб. бгъэ 'грудь'/, адг. нэк1уырат1, 'широколиций' /адг. каб. нэк1у 'лицо'//; ср. также адг. нэмыт1 'пучеглазый'.

Общеадг. -гъуэйэ. Продуктивный суффикс, указывающий на то, что действие, выраженное мотивированной глагольной основой, трудно осуществимо. Ср. адг. шхыгъуай, каб. шхыгъуей 'трудносъедаемый' /адг., каб. шхы-н 'есть, кушать'//, адг. стыгъуай, каб. йысыгъуей 'трудносгораемый' /адг. сты-н, каб. йысы-н 'сгореть'//, адг. шыгъуай, каб.

шынгъуей 'трудноосуществляемый' /адыг., каб. шы-н 'делать' /.

Общеадыг. -гъуэйэ состоит из двух элементов: гъуэ + йэ. Первая часть, может быть, связана с основной гъуэ 'место'. Ср. каб. йэхыгъуэ 'наклон, покатость', букв. 'место спуска', йэхыгъуей 'трудный, неудобный для спуска'. Вторая часть представляет собой отрицательный суф. -йэ /ср. адыг., каб. уайэ 'буря' /, восходящий к основе йэ 'плохое, зло'.

Общеадыг. -гъуэшлуэ. Указывает на то, что действие, выраженное мотивированной глагольной основой, легко осуществимо, т.е. выступает как антоним общеадыг. -гъуэйэ. Ср. адыг. шхыгъуэшлу, каб. шхыгъуафлэ 'легко съедаемый', адыг. стыгъуэшлу, каб. йысыгъуафлэ 'легко сгораемый'. Общеадыг. -гъуэшлуэ объединяется с общеадыг. -гъуэйэ общностью первого элемента -гъуэ. Вторая часть общеадыг. -гъуэшлуэ представляет собой суф. -шлуэ /ср. адыг. бжышлуэ, каб. бжыфлэ 'статный' /, восходящий к основе шлу 'хороший'.

Общеадыг. -жы. Непродуктивный суффикс представлен в единичных прилагательных, обозначающих цвет предмета. Ср. адыг. плъыжы, каб. плъыж 'красный', адыг. фыжы, каб. хуыж 'белый', адыг. гъуэжы, каб. гъуэж 'желтый'. Сближение Н.Ф.Яковлевым /1948, 144/ каб. -жъ /← -жы/ с жы 'старый' не может быть принято /сближение основано на совпадении вторичного жъ /← жъ/ в кабардинском варианте суффикса с общеадыгским жъ в слове жы 'старый'/. Может быть, общеадыг. -жы входит в общий материальный фонд абхазско-адыгских языков. Ср. абх. а-шуажъ, абаз. глуажъ 'желтый'. Однако не исключена возможность, что в абхазском данное слово относится к старым адыгским заимствованиям /Шагиров, 1977, А-Н, 133/.

Общеадыг. -пlцlэ. Встречается в единичных словах. Ср. адыг., каб. лъапlцlэ 'босой, босоногий' /адыг., каб. лъэ 'нога' /, адыг. шъхъапlцlэ, каб. шъхъэпlцlэ, шъхъэмцlэ 'с непокрытой головой' /адыг., каб. шъхъэ 'голова' /, адыг. пaпlцlэ, каб. пaпlцlэ, пaмцlэ 'острый, остроносый', каб.

шыпцццэ 'лошадь без седла'. Суф. -пцццэ /-мцццэ/ восходит к именной основе пцццанэ 'голый'.

Общеадыг. -гэ. Вычленяется в адыг., каб. лъагэ 'высокий' /адыг., каб. лъэ 'нога'/, адыг., каб. пагэ 'гордый, заносчивый' /адыг., каб. пэ 'нос'/ . Соотношение этих слов и их частей иначе толкует А.К.Шагиров /1977, П-1, '7/, возводящий -гэ в лъагэ 'гордый, надменный' к общеадыгскому слову бгы 'гора'.

Общеадыг. -лэ. С его помощью образуются от основ числительных /от одного до пяти/ слова, обозначающие меру. Ср. адыг., каб. залэ 'ширина одного пальца' /адыг., каб. зы 'один'/, адыг. тлуалэ, каб. тлыуалэ, тлалэ 'ширина двух пальцев' /адыг. тлуы, каб. тлыу 'два'/ . Происхождение общеадыг. -лэ не ясно.

Общеадыг. -шы. Выражает качество, свойство, признак. Ср. общеадыг. ^хлъэ-шы → адыг. лъэ-ш → каб. лъэ-шь 'сильный, мощный' /адыг., каб. лъэ 'нога'/, общеадыг. кылуы-шы → адыг. луы-ш → каб. луы-шь 'умный, смывленный' /← ^хкылуы 'рот'/ . Едва ли приемлемо сближение с адыг. -ш/э/, каб. -шьэ в адыг. лашэ, каб. лэшэ 'оружие', адыг. шыуаш, каб. фашэ 'форма, наряд', абх., абаз. шу- в абх. ашура, абаз. шура 'красить' /Там же, 99/.

Общеадыг. -тцэ: адыг. шхъуантцэ, шапс. шухъуатцэ, каб. шхъуантцэ 'зеленый' /ср. каб. шхъуэ 'серый'/, каб. гъуатцэ 'темно-рыжий' /гъуэ 'желтый'/ . Согласный н перед суф. -тцэ — фонетическое наращение.

7. МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В ИМЕННОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

В словообразовании действуют тенденции, характерные для всей группы западнокавказских языков. Так, усечение гласного в конечной позиции сложного слова каб. нэпс /← нэпсы← нэ 'глаз' + псы 'вода' / 'слеза' вписывается в морфонологические правила, согласно которым во всей группе западнокавказских языков корневой или суффиксальный морф проявляет тенденцию к полной редукции конечного ы при сочетании с пре-
позитивным слогообразующим членом. Ср. убых. куы — аку 'те-

лега', цуы — ацу 'вол', абаз. мзы — амз 'месяц', мшы — амш 'день', где слогообразующий определительный артикль а вызывает рецессивное передвижение ударения и полную редукцию гласного ы в конечной позиции.

Морфонологические процессы в словообразовании, естественно, бывают и ареальными, т.е. характерными для адыгских языков или их отдельных диалектов. В адыгских языках с морфонологической точки зрения словообразование во многом объединяется с словоизменением, поскольку в качестве препозитивного слогообразующего члена выступают как первые компоненты сложных и аффиксальных слов, так и словоизменительные префиксы. Ср. адыг. шы 'брат', шы 'его брат' /ы-посессивный префикс/, анэш 'дядя по матери' /анэ 'мать'/.

В отношении конечного гласного сложных слов общеадыгское состояние продолжает в одних случаях адыгейский язык, а в других — кабардинский. Конечный этимологический гласный ы сохраняется в адыгейском языке, в то время как кабардинский утрачивает его /ср. адыг. шъхъацы, каб. шъхъэц 'волос', адыг. нэпсы, каб. нэпс 'слеза'/. Напротив, кабардинский язык удерживает конечный этимологический гласный э, который редуцируется до нуля в адыгейском языке /ср. адыг. лъап, каб. лъапэ 'носок'/. Сохранение конечного ы в адыгейских сложных словах относится к позиционным явлениям, чего нельзя сказать о конечном э в кабардинском языке. Ср. адыг. нэпсы 'слеза', но нэпс дэд 'настоящая слеза' шъхъацы 'волос', 'волосы', но шъхъац ч'ахъ 'длинные /большие/ волосы'. Наличие/отсутствие конечного этимологического гласного в сложных словах рассматриваемого типа определяется общими закономерностями конца слова в адыгских языках /Кумахов, 1977/.

Морфонологические преобразования в суффиксальном словообразовании существительных и прилагательных во многом тождественны подобным же преобразованиям в словосложении: адыг., каб. напэ /←^хнэпэ/ 'лицо', адыг. лъамшэ, каб. лъамшэ /←^хлъэчэ/ 'хромой'. Как в сложном слове напэ 'лицо', так в суффиксальном образовании адыг. лъамшэ, каб. лъамшэ 'хромой' на стыке морфем имеет место переход э→а. В данном

случае переход конечного гласного э в а — общеадыгское явление. Тожество морфонологического процесса в сложном и суффиксальном слове обусловлено тождеством их фонетического строения. Переход э → а в суффиксальных образованиях имеет место в положении перед общеадыгскими словообразовательными суффиксами -блэ, -гэ, -гъэ, -гэ, -зэ, -къэ, -гуэ, -лъэ, -к1уэ, -чъэ, -хуэ, -п1ц1э, -т1э, -чэ и др. Ср. общеадыг. гъаблэ 'голод' /← гъэ 'год'/, бзагэ → адыг., каб. бзаджэ 'злой' /← бзэ 'язык'/, дэхагъэ 'красота' /да-хэ 'красивый'/, пагэ 'гордый' /← пэ 'нос'/, назэ 'косо-глазый' /← нэ 'глаз'/' и др. В сложных и суффиксальных словах переход э → а на стыке двух основ или основы и морфемы более или менее последовательно отмечается в том случае, если мотивирующая основа типа CV сочетается с мотивирующей основой или с суффиксом типа CV, где символ C обозначает гласный э.

Морфонологические явления в словообразовании, при их синхронной характеристике, в специальной литературе описываются в терминах интерфиксации. Так, гласные а, э, ы на стыке морфем сложных и суффиксальных имен типа адыг. цуауэ, каб. вауэ 'погонщик волов', адыг. шьуызаб, каб. фызабэ 'вдова', адыг. шьэшь, каб. шьэшь 'конюшня', адыг. куэшь, каб. гуэшь 'навес', адыг. шьыгъуыть, каб. шьыгъуытьэ 'солонка' рассматриваются как интерфиксы, а гласный ы в той же позиции в словах типа адыг., каб. мэзыл1 'леший', адыг. бжыныф, каб. бжыныху 'чеснок' интерпретируется по-разному: в адыгейском считается конечным этимологическим гласным, а в кабардинском — интерфиксом /Урусов, 1970, 300-301, 317/. Это приводит к разному морфемному членению одного и того же слова в адыгских языках: адыг. мэзы-л1, но каб. мэз-ы-л1 'леший', адыг. бжыны-ф, но каб. бжын-ы-ху 'чеснок' /Там же, 317/. При сравнительно-историческом анализе членение мэз-ы-л1 'леший', бжын-ы-ху 'чеснок' неправомерно по той причине, что подобные слова образованы в общеадыгскую эпоху, когда удерживались конечные этимологические гласные. Вместо членения адыг. цу-а-уэ, каб. в-а-уэ 'погонщик волов', адыг. шьуыз-а-б, каб. фыз-а-бэ 'вдова',

адыг. шыгыу-ы-лъ, каб. шыгыу-ы-лъэ 'солонка', адыг. ш-э-шь каб. ш-э-шь 'конюшня', где гласные а, и, э рассматриваются как интерфиксы /Там же, 300-301/, мы считаем, что в подобных случаях /когда сложные и производные слова образованы в общеадыгскую эпоху/ имеем дело с переходом конечных этимологических гласных основы в гласные а, э или с сохранением конечного ы в основе: адыг. цуауэ, каб. вауэ ← ^хцуы-уэ 'погонщик волов', адыг. шыуызаб, каб. фызабэ ← ^хшыуызы-бэ 'вдова', адыг. шыгыууыль, каб. шыгыууыльэ ← ^хшыгыуы-лъэ 'солонка', адыг. шэшъ, каб. шэшъ ← ^хшы-шьы 'конюшня'.

Чтобы избежать отнесения одних и тех же единиц к разным явлениям /например, гласный ы в адыг., каб. мэзыл 'леший', адыг. бжыныф, каб. бжыныху 'чеснок'/ представляется необходимым при сравнительно-историческом анализе разграничить интерфиксы /пустые морфемы/ как соединительные элементы от морфонологических явлений, связанных с конечными этимологическими гласными мотивирующих основ. Разумеется, интерфиксы нередко обусловлены законами языковой аналогии. Так, жызумей 'виноградник' образовано на кабардинской почве от жызум 'виноград' по аналогии с дей /← ^хдэйэ/ 'орешник', мей /← ^хмэйэ/ 'дикая яблоня'. В отличие от дей 'орешник', мей 'дикая яблоня' в слове жызумей 'виноградник' на стыке морфем не произошло никаких фонетических изменений. Адыг. хынак1уэ 'жатва, жнец' образовано на адыгейской почве от хын 'жать' по аналогии с общеадыгской моделью шак1уэ /← ^хшэ-к1уэ/ 'охота, охотник'. Действие аналогии разнообразно и относится к разным хронологическим уровням.

Общеадыгские сложные слова нередко включают элемент -ры-: адыг. гуырыт, каб. куырыт 'средний', адыг. нэрыльэ-гыу, каб. нэрыльагыу 'ясный, очевидный', адыг., каб. бгырыпх 'пояс, поясной ремень', адыг. лъэрыхъэ, каб. лъэрыхъ 'сильный, влиятельный, богатый'. Сонант р в соединительном элементе -ры- во многих случаях восходит к сонанту й. Это мнение подкрепляется не только соотносительными словосочетаниями типа адыг. ыгу йыт, каб. йыку йыт 'находящийся в середине' /ср. адыг. гуырыт, каб. куырыт 'средний'/, каб.

шы́лэ/м/ йыс 'то, что боится холода' /ср. шы́лэрыс 'мерзляк'/, адыг. ытэ ыхын, каб. йытэ йыхын 'смочь, иметь силу' /ср. адыг. лэрыхэ, каб. лэрыхь 'сильный, могущественный, влиятельный'/. Переход й → р подтверждается также наличием фонетических вариантов, вызванных чередованием й – р в сложных словах. В этом отношении показательны фонетические варианты типа каб. гу́йых, гурых 'ужас, страх'. Однако было бы несостоятельным усматривать во всех сложных словах, включающих соединительный элемент -ры-, историческое чередование й – р. Не исключена возможность появления -ры- в сложных словах /в особенности в более поздних образованиях/ под влиянием аналогии; например, адыг. лэры́ыт 'стоячий', адыг., каб. лэ́р/ы/тет 'ходячий', каб. псы́ншлэ-ры́латэ 'быстрокрылый', псы́ншлэры́плэ 'быстроглазый'. Отмечаются также некоторые расхождения между адыгскими языками с точки зрения наличия /отсутствия/ -ры- в сложных словах: адыг. гуэ́хы, каб. гуы́рыхь 'приятный, привлекательный'.

Для сложных и аффиксальных слов характерны сонанты м, н, р, появляющиеся в результате морфонологических процессов на стыке морфем. Эти сонанты в основном относятся к новообразованиям, хотя м, н как следствие эпентетической ассимиляции не чужды общеадыгскому языку /Кумахов, 1981, 69–71, 215–219/: каб. самп́лэ 'ножны' /← сэ 'нож' + м + п́лэ 'место'/, адыг. лы́нтф, каб. лы́нтхуэ 'кровеносный сосуд' /← лы 'кровь' + н + хуэ 'жила, сухожилие'/, адыг. шх́э́нтэ, каб. шх́э́нтэ 'подушка' /← шх́хэ 'голова' + н + суффикс -тэ/, адыг., каб. бѓуы́ндж 'наклонный, косой' /← бѓуы 'бок' + н + суффикс -дж -гь ← х-гы/.

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подытоживая рассмотрение именного словообразования, следует отметить, что словосложение и суффиксация занимают важное место в системе общеадыгского словообразования. Словосложение является наиболее продуктивным способом словопроизводства в общеадыгском языке. Способы именного словосложения разнообразны, что в известной мере возмещает

отсутствие именного префиксального словообразования и невысокую продуктивность многих именных словообразовательных суффиксов.

Основные типы именного словосложения в современных адыгских языках возводятся к общеадыгскому единству. Однако словосложение как способ словопроизводства в системе имен сложилось не только на общеадыгской почве. Есть основания утверждать, что словосложение восходит к западнокавказскому праязыку, хотя многие типы словосложения возникли в период после его распада.

Целый ряд основ, образованных способом сложения, входит в общий лексический фонд западнокавказских языков. К ним относятся, например, адыг. гуыгъэ, каб. гуыгъэ, убых. гъагъэ, абх. а-гуыгъ-рэ, абаз. гуыгъа-ра 'надежда', каб. мэф1эбзый, убых. мьджабжьа, абх. а-мцабэ, абаз. мцабыз 'пламя' и др. Следует признать, что основосложение было основным способом именного словообразования в эпоху западнокавказского языкового единства. Сложение как центральная модель именного словообразования унаследовано от языка-основы современными западнокавказскими языками.

Во всех западнокавказских языках представлены копулятивные и определительные сложные слова. Однако из двух основных типов сложений наиболее продуктивным в западнокавказских языках является определительный. Причем по своему строению определительные сложные слова разнообразны. Некоторые модели определительных сложных слов являются западнокавказскими, т.е. они функционировали в эпоху западнокавказского языкового единства. Не все старые модели словосложения /как и словосочетания/ сохранились в общеадыгском языке. Некоторые из них подверглись структурным преобразованиям, что привело к появлению новых моделей. Так, модель сложных слов типа абх. ацуык1апшъ 'красноватый', где препозитивным членом выступает основа /а/цу- 'цвет, кожа', является, по-видимому, исконной. В адыгских языках в сложных словах типа 'красноватый', 'желтоватый' основа существительного шъуэ /адыг./, фэ /каб./ 'цвет, кожа', генетически связанная с абх. /а/цу 'цвет, кожа', является постпозитивным

членом. Если принять во внимание тот факт, что эта модель характерна и для убухского языка, причем в качестве второго компонента выступает общеадыгско-убухская основа /в значении 'кожа, цвет'/, то она /модель/ может быть отнесена к адыгско-убухскому хронологическому периоду.

Как отмечалось, некоторые именные словообразовательные суффиксы генетически восходят к самостоятельным основам, т.е. суффиксация по происхождению в ряде случаев обязана словосложению, что свидетельствует о древности словосложения как способа словопроизводства в западнокавказских языках. Такие общеадыгские суффиксы, как -га, -гуэ и др. связаны с самостоятельными именными основами, восходящими к западнокавказскому состоянию. Естественно полагать, что общеадыгские образования с суффиксами типа -га, -гуэ обладали статусом словосложения на уровне западнокавказского языкового единства.

Процесс преобразования сложных слов в аффиксальные слова является постоянным. Именные словообразовательные суффиксы -чэ, -пццэ и др., сложившиеся на адыгской почве, возводятся также к полнзначным основам. В этом случае словообразовательные суффиксы возникли также на базе сложных слов, относящихся к раннему периоду развития общеадыгского языка. Другая группа общеадыгских именных словообразовательных суффиксов генетически связана со словоизменительными элементами. К ним относятся общеадыгские продуктивные словообразовательные суффиксы -гъэ, -рэ и др.

К поздним инновациям, возникшим в период самостоятельного существования адыгских языков, могут быть отнесены суффиксы типа адыг. -нау, каб. -нит1э, -ништ1э, -нивэ, -вэ /ср. адыг. ц1ык1уынау, каб. ц1ык1унит1э, ц1ык1уништ1э, ц1ык1уынивэ 'очень маленький', пшэхъуавэ 'песчаное место', лээшхъэвэ 'большой подъем ноги'/ и др.

В целом именное суффиксальное словообразование сложилось на общеадыгской почве, в то время как словосложение может быть приписано западнокавказскому состоянию,